

Гваделорка

Автор:

Владислав Крапивин

Гваделорка

Владислав Петрович Крапивин

Стальной волосок #2

«Стальной волосок»?– это книга о жизни нескольких поколений детей из сибирского городка Турени. Она состоит из трех романов: «Бриг „Артемида“», «Гваделорка» и «Бабочка на штанге».

Герой романа «Гваделорка»?– московский пятиклассник Ваня на каникулах подружился с туренскими мальчишками и девчонками. И все вместе они с увлечением погружаются в разгадывание тайны маленького российского брига «Артемида». Знакомясь с судьбами детей прошлых времен, современные подростки обретаю с ними живую связь и начинают чувствовать себя одной большой семьей, живущей в Турени на протяжении трех веков. Для них реальностью становятся законы и традиции давнего детства. И как раз один из них?– «закон полуденного выстрела»?– помогает юному москвичу спастись от беды и найти настоящих друзей...

Для среднего школьного возраста.

Владислав Крапивин

Гваделорка

Разговор с внуком в августе 2007 года

- Дед, ты что сейчас делаешь?

- Работаю.

Через полчаса:

- Дед, а сейчас что делаешь?

- Я уже говорил: работаю...

- Ну что это за работа! Сидеть на диване, глядеть перед собой и не двигаться!..

А дед в это время придумывал книгу, которую теперь посвящает своему внуку Петьке – барабанщику и подшкиперу парусной флотилии «Каравелла».

Гварделорка

Марина Ра шидовна, учительница истории:

- Не понимаю вас, Кельников! Речь идет о реальных континентах и странах, а вы... Кому нужны ваши придуманные острова?..

Эрудированный шестиклассник Никита Кельников, по прозвищу Никель:

- Как это «кому»? Тем, кто на них живет!

Диалог на заседании школьного исторического общества

Часть первая. Самый длинный день

Помидоры

1

Помидоры сияли на солнце. Горели, как стоп-сигналы, собранные в большую горсть. Они лежали в сумке, сплетенной из капроновой лески, и вместе с ней качались над немощеной дорогой деревянной улицы. Сумку несла пожилая особа с прямой спиной. Она держала сумку в левой руке, а в правой – крепкую трость с узловатыми гладкими суставами.

Особу украшала сверху белая кружевная кепочка, а костюм ее состоял из похужей на мешочный куль кофты и узких клетчатых брюк.

Судя по трости и походке, характер у пожилой дамы был твердый.

За хозяйкой помидоров следовал в десяти шагах герой нашей книги – московский пятиклассник Ваня. Точнее – шестиклассник, поскольку с пятым классом он покончил счеты три недели назад.

В начале июня Ваня приехал сюда на каникулы и теперь не спеша, с осторожным любопытством знакомился с неведомым раньше городом...

А за решительной дамой Ваня шел просто так, без особых причин. Нравилось Ване смотреть на помидоры, от которых будто бы разлетались алые бабочки. Так ему казалось сначала. А сравнение со стоп-сигналами пришло во вторую очередь, но тоже было интересным.

«Конечно, помидоры – нездешние, – в такт шагам думалось Ване. – Южные какие-то. В этих краях для томатного урожая время придет еще не скоро...»

Стояло позднее июньское утро – жаркое и безоблачное. Нагретая дорожная пыль была тонкой, как серая пудра. Она припорашивала плетеные Ванины сандалеты и успевшие подзагореть щиколотки. Извилистая улица тянулась среди утонувших в кленовых зарослях заборов, кривых домиков и сараев. Она была почти пуста (если не считать дамы с помидорами, Вани, рыжего кота в развилке столетнего тополя и кудлатого пса, разморенно дрыхнувшего на обочине). Потом сзади слышались лихие вскрики и шуршание колес, появились трое на велосипедах.

Помидорные стоп-сигналы были наездникам не указ. Парни не сбавили скорость. Они со свистом пронеслись справа от Вани, а затем – слева от дамы с тростью. Тот, что впереди, крепко задел Ваню локтем, а задний зацепил педалью капроновую сетку. Сетка порвалась. Помидоры, как сбежавшие от бабки красные колобки, запрыгали в пыли.

Велосипедисты умчались вперед и весело затормозили у древних, украшенных остатками деревянного орнамента ворот. Быстро оглянулись, хохотнули. Заговорили между собой – крикливо и неразборчиво. «Ковбои недостреленные...» – мелькнуло у Вани (задетое твердым локтем плечо побаливало).

Хозяйка помидоров резко нагнулась, потом снова выпрямилась и вскинула подбородок. Теперь она стояла к Ване боком. Поза у женщины была надменная, и все же Ваня сразу увидел, что никакая она не «особа», а растерявшаяся интеллигентная бабушка.

– Хулиганы, – сказала бабушка, но не со злостью, а как-то вопросительно. Подумала и добавила: – Просто шпана какая-то... – И посмотрела на Ваню. Наверно, в первый момент решила, что он из той же компании. Но не стоило труда, чтобы понять: явно не из той. Потому что поменьше и без «колес» и вообще не «хулиган» и не «шпана», а обычный мальчишка – вроде тех, что сейчас гоняют мячи на ближней спортплощадке у студенческого общежития.

Конечно, не было у мальчика никаких «столичных признаков», да и быть не могло, поскольку большинство пацанят такого возраста выглядят нынче

одинаково на всем белом свете. Слегка растрепанный и непричесанный, но в общем-то «приличный ребенок» – в аккуратных плетенках на босу ногу, в похожей на футбольную форму одежке из синей хлопковой ткани (недавний подарок бабушки Ларисы Олеговны, маминой мамы). Малость испуганный, но больше – раздосадованный.

Таким Ваня увидел себя как бы со стороны, глазами стоявшей неподалеку старой незнакомки.

Если бы в самом деле существовала футбольная команда с такой вот формой, называлась бы она, скорее всего, «Рыцарь» или «Айвенго». Потому что на рубашке была разноцветная, размером с кулак эмблема – голова в шлеме с поднятым забралом и надпись готическими буквами: Iva phoe.

Надо сказать, что этот вышитый знак в какой-то мере влиял на Ванино ощущение жизни. Не сильно влиял, почти незаметно, и все-таки... Посудите сами – одно дело, когда над карманом какой-нибудь Винни-Пух или Микки-Маус, а другое – когда такой вот рыцарь. Как говорится, без страха и упрека... И Ваня остался на месте, хотя первое желание было удалиться независимой походкой: я, мол, ни при чем и ввязываться не обязан.

Он не удалился, что и послужило причиной событий, без которых не было бы этой истории...

– Безобразники... – выговорила «помидорная бабушка» со слабеньким таким ожесточением.

«Ковбои» хохотнули опять, а самый большой и тощий оглянулся. Сказал назидательно:

– Не надо ходить по дороге, сударыня. На то есть в нашем городе тротуары.

Тротуары и в самом деле были – хлипкие мостки в три доски, тянувшиеся вдоль заборов среди лебеды и сурепки. Ходить по ним – ноги ломать.

Ваня встретился с «сударыней» глазами. Виновато мигнул. Оставалось одно – сказать: «Давайте я вам помогу...» Он так и сделал. Подобрал из пыли и

пушистых одуванчиков сетку, расправил. Дыра оказалась большущая (все помидоры выкатились). Ванина рубашка была без пуговиц, со шнуровкой на груди. Он выдернул шнурок и крупными витками стянул края капроновой прорехи. Сел на корточки и стал складывать в сетку помидоры.

Хозяйка их сказала с высоты роста:

– Спасибо, голубчик... Слава богу, в нашем городе есть еще нормальные дети...

Мальчик Ваня (который был не из «нашего города») застеснялся пуще прежнего, заспешил. Потерял равновесие и встал коленом на коварно подкатившийся помидор. Один из самых крупных. Брр, будто придавил медузу!

– Ой, простите, я нечаянно...

– Какие пустяки... Но смотри, ты испачкал ногу.

– Какие пустяки... – бормотнул Ваня. Получилось будто нарочно, в тон собеседнице, и он смутился снова. Быстро встал, протянул нагруженную сетку. – Вот... готово...

– Спасибо, мой хороший.

В этот момент «ковбои» у ворот громко загоготали. Ваня бросил на них короткий, как выстрел, взгляд. Нет, они смеялись, конечно, не над ним и не над хозяйкой помидоров. Они сидели на великах, обернувшись к мальчишке и бабке пестрыми спинами. Старший (который обмолвился про «тротуары») был ближе всех. Его оттопыренные уши розово светились на солнце, рыжеватая стрижка-ежик искрилась. А крепкая голая шея была... такая соблазнительно-беззащитная.

Внутри у Вани случилась «отключка». Так он называл моменты, когда словно исчезали тормоза. Это случалось редко: например, если боялся, боялся, а потом с размаха перелетел через высоченного «коня» в спортзале; или вдруг возненавидел себя за трусость и сиганул с самой верхней площадки в бассейн; или с маху въехал по щекастой роже семиклассника Гути, который измывался над пацаненком из третьего «А» (ух, как брызнуло у того из носа! «Елена

Аркадьевна, я не понимаю, что с вашим мальчиком! Всегда был такой сдержанный, покладистый, и вдруг... Если такое повторится, может встать вопрос о его переводе из гимназии в школу по месту жительства...»).

Вот и теперь... Исчезли все звуки, лишь тонко запищало в ушах. Раздавленный наполовину помидор лежал под ногами. Его уцелевший бок по-прежнему горел, как стоп-сигнал. Но не для Вани был этот «стоп». Ваня взял пострадавший «фрукт» на ладонь...

- Простите, а он вам тоже нужен?

- Ох, нет, конечно... А ты что? - услышал Ваня сквозь писк в ушах. - Решил его скушать? Не надо, он же грязный. Если хочешь, возьми целый...

Ваня не хотел его кушать. Он хотел другое и знал, что не промахнется: при «отключках» точность движений возрастала у него во много раз. Послушный законам баллистики, алый снаряд описал длинную дугу и с чавканьем вклепился в шею «ковбойского» предводителя.

Розовые уши дернулись, как осенние листья на ветру.

- И?.. - вопросительно сказал их хозяин. Потом изумленно пропел: - И-и-и!..

Медленно развернулся вместе с велосипедом. Вмиг усмотрел виновника своего унижения. Толкаясь ногами о землю, стал подъезжать - неторопливо и неумолимо (а «отключка» у Вани сразу пропала и душа опустилась в холодный желудок). Дружки пострадавшего безмолвно двинулись следом. Драпать было бесполезно: все равно догонят на великах.

Все трое остановились в пяти шагах. Предводитель нагнул к плечу голову. Сказал почти сочувственно:

- Бзя недоразвитая... Ты хоть понимаешь, что с тобой будет?

Так Ваня впервые услышал здешнее словечко «бзя», означавшее всякую никчемность. А что с ним будет, Ваня понимал. Ох, как понимал...

«Ковбой» – предводитель растянул в улыбке лягушачий рот. Округлил глаза. Уши его хищно зардели.

– Хорошо-то как! У меня снова появился смысл жизни. Это – ты. Я не изничтожу тебя сразу, а буду делать это постепенно, при каждой встрече. Медленно и с удовольствием. И ты поймешь, ненаглядная лапочка, что такое вечный страх жизни...

«Владеет речью, паразит. Не окончательно тупой, – мелькнуло у Вани. – Но гад окончательный...» Жидко-зеленые глаза врага подтверждали Ванино суждение. Они были безжалостны, несмотря на улыбку. А два других «ковбоя» были «никакие». Безмолвно лупали веками.

Их предводитель потрогал шею, облизал ладонь и еще на метр катнулся вперед. Наверно, чтобы начать программу «изничтожения».

Но «помидорная бабушка» повела себя совершенно неожиданно. Опустила сумку к ногам, левую ладонь положила на Ванино плечо, а трость мушкетерским жестом выставила перед собой. Сообщила звонким голосом:

– Не советую проявлять агрессивность, молодой человек. Вы получили по заслугам и ступайте своей дорогой. Имейте в виду, что в юные годы я занималась фехтованием!

«Получивший по заслугам» ухмыльнулся, но спорить не стал. Приложил ко лбу ладонь (так отдают честь американские военные), развернулся с велосипедом и тихо поехал прочь. Дружки – за ним. Такой исход ничуть не успокоил Ваню. Потому что его новый недруг оглянулся, и в болотных глазах было обещание.

«Черт меня дернул связываться...» – нарастала у Вани здравая и тоскливая мысль. И все же воспоминание о метком чавкающем ударе оставляло в душе некоторое удовольствие. И на миг представилось даже, что вышитый рыцарь на рубашке улыбается из-под забрала.

– Я тебе очень благодарна, мальчик, – сказала «фехтовальная бабушка» уже не юным, а обычным голосом. – А не мог бы ты оказать мне еще одну услугу?

Чтобы не казаться совсем струсившим, Ваня слабо пошутил:

– Еще в кого-нибудь вляпать помидором?

– Нет, что ты! Просто помоги мне донести сумку до дома... К тому же тебе все равно надо взять обратно шнурок.

– Да, конечно! – В том смысле, что «конечно, помогу» и «конечно, надо взять». А в общем-то оба понимали, что смысл в другом: лучше держаться вместе, пока враги на велосипедах неподалеку...

2

Пошли рядом по краю дороги. Выросшие между дощатым тротуаром и обочиной лопухи шуршали по сумке с помидорами. С другой стороны тротуара, у заборов, поднимались травянистые кусты. Высокие, больше Вани. С цветами разных тонов – от бледно-розовых до темно-вишневых. Формой цветы напоминали крупные головки львиного зева. Их было много на здешних улицах, и Ване они нравились. В Москве ничего похожего не встречалось. «Орхидеи, да и только...»

Ваня однажды спросил у бабушки Ларисы Олеговны, как по-настоящему называются эти «орхидеи». Та не знала. «В прежние времена их не было. Они стали появляться несколько лет назад, все разрастаются и разрастаются. Прямо... марсианские посланцы какие-то...»

«Марсианские посланцы» – это само по себе было привлекательно. Таинственно даже. И Ваня тогда впервые подумал, что город Турень, куда его «сослали», не столь уж плох...

Было в городе что-то такое... От сказок Андерсена, или от мушкетерской поры, или от томсойеровского Сент-Питерсборо. Деревянная старина перепутывалась с новыми, но тоже похожими на старинные кварталами. Белая колокольня древней церкви поднималась в облака вместе с башнями и шпилями университетских корпусов. На шпилях красовались узорные железные флаги и корабли. Подождать немного, присмотреться – и появятся среди них Карлсон с

пропеллером или растрепанная тетка на метле...

Через дворы и улицы тянулся глубоченный заросший овраг (некоторые утверждали, что это бывший крепостной ров). В нем тоже цвели «марсианские пришельцы». Таинственно журчала внизу невидимая речка Туренка. Овраг назывался «лог». От лога, мимо покосившихся домов с деревянной резьбой, чугунных решеток и длинных факультетских зданий с полукруглыми окнами, уходили к реке широкие мостовые. Река была ничуть не у?же, чем в столице. И обрывы над ней напоминали Воробьевы горы...

Конечно, не вся Турень была такая. В современных районах, куда бабушка Лариса Олеговна возила внука покупать летнюю одежду и обувь, все напоминало Москву. Но потому Ваня и смотрел там вокруг без интереса. Что он, не видал проспектов, супермаркетов с эскалаторами, многоэтажек и площадей с фонтанами?..

Здесь, в районе исторического центра, в который аккуратно вросли новые университетские кварталы, было совсем по-другому. Тоже порой шумели машины, однако слышался и стрекот кузнечиков. И густо летали над подорожниками и клевером коричневые бабочки...

Жаль только, что и в этих местах у Вани появились теперь недруги...

Ваня украдкой оглянулся: не движутся ли недруги следом? Те двигались, но в отдалении. Делали вид, что едут по своим делам. «Ага, по своим... Знаем мы это дело...»

Идти молча было неловко. Ваня совсем уже решился поинтересоваться: не знает ли его спутница, как называются «марсианские» цветы у заборов? Но вместо этого вдруг спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы правда занимались фехтованием?

Спутница откликнулась охотно:

– Что ты! Нет, конечно! Это я сказала так, для храбрости. Но я в школьные годы очень любила смотреть фильмы про рыцарей и мушкетеров. Эти кинокартины

были тогда черно-белые, иностранные и назывались «трофейные». Попали к нам во время войны с Германией... Ужас, какие давние времена, да?.. А еще я не хуже мальчишек сражалась на палках, когда играли в пиратов и Робин Гуда... А как тебя зовут, юный рыцарь?

«Рыцарь...» Это она из-за вышивки на футболке или из-за того, что отомстил обидчику? (Ох, лучше бы этого не было!)

– Меня зовут Ваня... – сообщил он со вздохом.

– Замечательное имя! А меня Любовь Петровна... А во времена сражений на палках звали меня Люба или даже Любка. Или, бывало, Любка-Синяпка...

– Как? Простите, я не расслышал.

– Си-няп-ка... Потому что девичья фамилия была Грибова. А в ту пору все знали дразнилку-считалку: «Грибки-обабки, рыжики, синяпки...»

– Если правильно, то, наверно, «синявки», – деликатно уточнил Ваня.

– Если правильно – да. Но кто из нас в те времена обращал внимание на грамматику!

Любовь Петровна шагала широко, постукивала палкой о дорогу и смотрела прямо перед собой. Похоже, что стремительно укатилась памятью в прошлое. Но через несколько шагов встряхнулась.

– А ты, Ваня, откуда появился в этих местах? Раньше я тебя не встречала...

– Я из Москвы. На каникулах у бабушки... которую, кстати, раньше никогда не видел. Так получилось...

– Вот как! – почему-то обрадовалась Любовь Петровна. – Это, наверно, замечательно – жить в столице! А?

– Мм... не знаю. По-моему, обыкновенно. Да я подолгу нигде больше и не жил – сравнивать не с чем...

– Я в прежние годы нередко ездила в Москву, гостила там у друзей. Это было прекрасно... Впрочем, по-всякому... Ну вот мы и пришли.

Ваня завертел головой (и при этом зацепил глазом притормозивших в отдалении недругов). Куда пришли-то? Рядом – бревенчатая стенка выходящего на улицу сарая, а дальше – очередной забор с торчащими над ним верхушками кленов... Ой, нет! В заборе была дощатая калитка с тяжелым железным кольцом. Любовь Петровна с натугой повернула кольцо, калитка отъехала внутрь.

– Входи, Ванечка. Здесь наша «тихая обитель»...

Двор был просторный, заросший, как и улица. По краям – какие-то будки и хибарки, а посреди двора – длинный кирпичный дом. Трехэтажный, но не высокий. С обвалившейся здесь и там штукатуркой. С крутой железной крышей, где торчала треугольная чердачная будка. К будке вела из лопухов приставная лестница. На ее ступеньках сохли плетеные половики. На самой нижней сидел пестрый петух с гордо-обиженным видом.

– Строение столетней давности, – сообщила Любовь Петровна. – Бывший доходный дом купчихи Мелентьевой. Представь себе, памятник старины, хотя ничего знаменательного, кроме возраста, в нем нет. Городские власти там и тут сносят деревянные дома с уникальной резьбой и кружевной жестью, а этого монстра трогать запрещено. А поскольку запрещено, то и жильцов не расселяют. И обитают здесь люди в квартирах с ржавыми трубами и печками начала прошлого века.

– А зачем сносят-то? Деревянные... – осторожно спросил Ваня.

– Чтобы строить офисы и рестораны, разумеется. Во имя ее величества прибыли...

– В общем, как в Москве, – понимающе отозвался Ваня.

Впрочем, дом не произвел на него отталкивающего впечатления. Было в нем даже что-то... почти что приключенческое. Будто он из книжки «Кортик» про мальчишек-пионеров давнего времени. И печки там... Ване всегда мечталось о квартире с печью, в которой можно разводить живой огонь...

- Цыпа-цыпа... – тихонько сказал Ваня петуху.

Тот глянул с ожиданием: что дальше? Но Ваня не знал, что дальше, и петух обиделся на жизнь еще сильнее.

Давние времена

1

Вошли в дощатые сени. Здесь пахло каким-то старьем: похоже, что заплесневелой мешковиной и гнилыми досками. Вверх вели широкие ступени, обрамленные перилами с кривыми точеными столбиками.

- Нам на третий этаж, – сообщила Любовь Петровна. – Как ты понимаешь, лифта нет и никогда не было. Для меня это не большая беда, ноги до сих пор крепкие, я тридцать лет работала в библиотеках, а библиотекари всю жизнь на ногах – закалка. А вот мой сосед Борис Антонович со своим остеохондрозом и артритом страдает здесь постоянно. Кстати, помидоры я несу ему: его любимое блюдо – яичница с томатами по-испански...

«Словоохотливая бабушка, – отметил по себя Ваня. – Почти как Лариса Олеговна...»

Поднялись. Оказались перед обитой обшарпанным дерматином дверью. Любовь Петровна зашарила в складках кофты.

- Где же он, ключ-то? А, вот он... Дома, конечно, никого. Борис в поликлинике, внука с утра у родителей... Заходи...

Ваня оказался в темном коридоре (тут же зажглась лампочка). Впереди была еще одна дверь – белая и незапертая, из-за нее ударило солнце и запахло полевой травой.

– Ну вот, это мои апартаменты. Прописана я здесь одна, но чаще живу с внучкой, она то и дело сбегает ко мне из родительского дома...

«Апартаменты» состояли из двух комнаток с цветастыми обоями и тюлем на квадратных окнах. На круглом столе с кружевной скатертью стояли два большущих букета ромашек.

Ваня опустил у порога сетку с помидорами.

– Вот... Любовь Петровна, я пойду.

– Ну что ты, что ты так сразу! Передохни.

– Я не устал.

Он и правда не устал, но... где гарантия, что «ковбои» не крутятся поблизости и не ждут свою жертву?

– Заходи, Ванечка, я заварю чай. У меня еще осталось из прошлых запасов вишневое варенье. Посидим, и ты расскажешь про Москву. Хотя бы немножко...

Ваня зацарапал друг о дружку сандалетами-плетенками. Они охотно снялись, оставив на ступнях незагорелый узор от ремешков.

– Ох, да зачем ты разуваешься! У меня все равно не подметено... Ну ладно, проходи... Подожди-ка! Я на улице и не разглядела: ты прямо как после кровавой битвы! Вся нога в красном...

И правда, колено было в подсохшем помидорном соке.

– В коридоре дверца налево, там умывальник. А на полочке бумажные салфетки. Сходи, вымой и вытри. Выключатель снаружи...

В тесной кабинке пахло всякими туалетными снадобьями. Вода из крана ударила неожиданно тугой холодной струей. Ваня подставил губы. Ему нравилось, что в этом городе можно пить воду прямо из-под крана. Не то что в матушке-столице.

Потом он смыл помидорный сок и прилипшие семечки, вытер колена жесткой бумагой... В этот момент в просторном кармане на бедре зашевелилась, запикала плоская коробочка мобильного. Бабушка Лариса Олеговна волновалась.

- Ванюша, ты где гуляешь? С тобой все в порядке?

Он скривился (здесь-то это можно): терпеть не мог, когда звали его «Ванюша». Но ответил вполне любезно:

- Все хорошо, Лариса Олеговна... - Они в первый же день знакомства договорились, что ни «бабушкой», ни «бабой Ларой» звать он ее не будет. «Не такая уж я древняя...» - Брожу по переулкам, знакомлюсь с окрестностями. Недалеко от дома. Скоро вернусь. А вы сделаете к обеду окрошку?.. Спасибо!

Он вернулся в комнату. Любовь Петровна мурлыкала простенькую мелодию вальса и расставляла рядом с букетами чашки и вазочки.

- Сейчас все будет готово. Садись к столу...

Ваня боком сел на заскрипевший гнутый стул.

Почему-то вдруг застеснялся. Поджал ступни с незагорелым узором, колупнул с колена несмывшееся семечко, глянул за окно. Сквозь тюль смутно видна была тополиная крона. А что еще там на улице - неизвестно.

Мысль о коварных врагах сидела занозой. «Не отступятся ведь, это для них приключение...» Но потом подумал: «Гляну в щель у калитки; если „ковбои“ там, пойду по двору, поищу, нет ли другого пути - через забор или в щель...» Стало спокойнее.

2

Любовь Петровна принесла чайники, утвердила их на проволочных подставках. Потом - плетеную корзинку с печеньем.

- Давай, Ванечка, я налью. Какую тебе заварку? Покрепче?

- Средне... - сказал Ваня (вообще-то ему было все равно). - Спасибо.

- Накладывай варенье... А скажи, далеко отсюда живет твоя бабушка?

- Недалеко. В профессорском доме, рядом с математическим факультетом. Это наискосок от католического костела, знаете?

- Ну разумеется! Я, голубчик, весь город знаю, а здешние места тем более. Они - родные... А что, бабушка работает в университете?

- Дедушка работает... - Ваня был рад, что разговор завязался простой, не надо ломать голову, про что говорить. - Он даже не родной дед, а второй муж моей бабушки. Но они давно поженились, меня тогда еще не было... Они с бабушкой жили в Новосибирске, а год назад Константина Матвеевича, это дедушка, пригласили работать сюда. Предложили всякие там «улучшенные условия» и большущую квартиру... Я до сих пор путаюсь в ней, в комнатах и коридорах... А Константин Матвеевич радуется: «Впервые в жизни у меня нет проблемы с расстановкой книг...»

- Такие квартиры дают, наверно, лишь известным специалистам.

- А он известный... в достаточной степени... Профессор, доктор всяких компьютерных наук. Что-то связано там с искусственным разумом... то есть с интел-лектом...

Он думал, что Любовь Петровна спросит фамилию деда, но та, видимо, постеснялась. И сказала:

- Ох, я ничего не понимаю в этих вопросах.

- Константин Матвеевич однажды сказал, что он сам ничего в них не понимает. Как-то разговорился и выдал такую фразу... Я даже запомнил ее от слова до слова...

– Ну-ка, любопытно...

– «Мы слишком о себе возомнили. На самом деле база наших знаний – это смесь молекулярных теорий, квантовой механики и древних философий, и мы оттуда тянем соки, как трава с твоей фамилией тянет из полезных растений...»

– Батюшки! А что у тебя за фамилия?

– Фамилия редкая, – с тайной горделивостью сообщил Ваня. – Хотя и совсем не иностранная. По-ви-ли-ка... Есть такой вьюнок, который обматывает другие растения и как бы срастается с ними... Родители как-то заспорили. Мама сказала, что это трава-паразит, а папа рассердился: не может быть паразитом такое красивое растение, красота всегда полезна...

– Папа прав... Он, случайно, не художник?

– Он виолончелист. В симфоническом оркестре «Мелодии света»...

– Как интересно!.. Да ты пей, пей. И не забывай про варенье... Наверно, ты тоже занимаешься музыкой?

– Я занимался... На фортепьяно, потом на флейте. Только... «не обнаружил талантов»... – Ваня хмыкнул. – Но папа до сих пор не теряет надежды затолкать меня в музыкальный кадетский корпус.

– А тебе, я вижу, не очень хочется?

Ваня двинул плечом:

– Не знаю... Детей ведь не спрашивают. Запишут – и куда денешься... «Ребенок все равно должен быть где-то пристроен»...

Это была мамина фраза. И Ваня замолчал. Потому что дальше могли выскочить слова: «Тем более когда разведенным родителям обоим не до сына...» Но это уже тема не для посторонних.

Любовь Петровна что-то почуяла. Помолчала, позвякала в чашке ложечкой. Спросила чуть стесненно:

- А мама... тоже музыкант?

- Нет, она организатор передвижных выставок. Ездит с картинами и художниками по разным городам... Папа тоже часто ездит - с оркестром... Вот меня на лето и устроили сюда.

- И как тебе здесь?

- Пока неплохо, - дипломатично сказал Ваня. И опять подумал о «ковбоях». Но сказал о другом: - Бабушка взяла у деда и дала мне старый ноутбук. Его можно подключать к Интернету...

- Да, нынешние мальчики сплошь и рядом предпочитают компьютеры книгам, - покивала Любовь Петровна.

Ваня вспомнил, что она - старый библиотекарь. Наверно, ей обидно, что нынче мало читателей. И объяснил:

- Нет, я читаю... Конечно, я не такой уж активный читатель, «Гарри Поттера» одолел всего три тома, но Интернет мне нужен как раз ради книжек. Из него можно выудить то, что нигде больше не найдешь.

- А что именно? - оживилась Любовь Петровна.

- Недавно отыскал редкий роман Жюль Верна «Юные путешественники». Ни в одном собрании сочинений его не встречал...

- Тебе нравится Жюль Верн?

- Очень!

- Но ведь нынешние школьники считают его скучным и старомодным.

– Ну и пусть считают! Мне и в классе говорили, что я «малость того»... – Ваня уже не смущался, он весело крутнул пальцем у виска. – А я все равно... Мне у него нравятся не только самые знаменитые романы, а вообще всё.

– Что же тебя привлекает в этом писателе?

Ваня нервно зашевелил ногами.

– Любовь Петровна, там... время такое. Мне кажется, лучше, чем теперь. Столько всего на свете неоткрытого и в то же время изобретения всякие. Воздушные шары, первые телефоны, электричество, пароходы... Плохо только, что тогда не было мобильных... Зато люди не те, что нынче. Будто добрее друг к другу... Хотя, конечно, тоже... И еще бывают интересные совпадения.

– Вот как?

– Да... Мама собирается в августе в круиз на Антильские острова, с заходом на остров Гваделупу. А я начал читать «Юных путешественников», и там – тоже Гваделупа. Не такой уж известный остров, и вдруг – в книжке и в жизни.

Он встретился с Любовью Петровной глазами, и показалось, что угадал ее вопрос: «А что же тебя-то мама не берет с собой на Гваделупу?» Стал смотреть в чашку с недопитым чаем...

– Ты, по-моему, мало ешь варенья. Не стесняйся...

– Нет, я много... Спасибо... Только мне уже пора. Бабушка звонила, волнуется...

– Все-таки доешь варенье – это недолго... А я на минутку оставлю тебя. Вспомнила, что надо позвонить.

Она вышла. Ваня заскреб ложечкой о стеклянную розетку, и в этот миг в кармане опять ожил телефон.

– Лариса Олеговна, я уже иду! Совсем скоро! Ой!..

В телефоне был совсем не бабушкин голос. Хотя женский и... кажется, даже знакомый.

- Простите, я могу поговорить с Константином Матвеевичем?

- У него сейчас другой номер.

- Извините, а вы его не знаете?

- Знаю. Давайте продиктую...

- Будьте столь любезны...

- Пожалуйста... Восемь, девятьсот двенадцать, двести сорок четыре...

- Секундочку! Я возьму карандаш... Прошу вас...

Ваня снова начал диктовать. Отчетливо называя число за числом, он поднял глаза и увидел через открытую дверь Любовь Петровну.

Она стояла в коридоре у тумбочки, прижимала к уху телефонную трубку и, согнувшись, писала в блокноте.

- Ой... - Любовь Петровна вскинула глаза: - Батюшки... Значит, мы беседуем друг с другом? Вот это чудеса!

Ване стало смешно.

- Ну да! А я думаю: чей это знакомый голос? Опять совпадение, почти как у Жюль Верна...

- Выходит, Константин Матвеевич Евграфов - твой дедушка?

- Да! - Снова уточнять, что не родной, не имело смысла. - Значит, вы знакомы?

Любовь Петровна положила трубку на рычаг, вошла, встала у порога. Забавно почесала карандашом висок.

– Знакомы ли... Трудно сказать. Скорее всего, он меня и не помнит. Мы учились не в одном классе, а в параллельных... В том году произошло слияние женских и мужских школ, я из двадцать первой попала в двадцать пятую, не сразу познакомилась со всеми... Но у меня есть старый снимок, на котором мы с твоим будущим дедом почти рядом. На пионерском субботнике в городском саду. Это там, где нынче Центральный бульвар... Хочешь посмотреть?

– Конечно! – Было и в самом деле интересно: как выглядел пожилой профессор Евграфов полвека назад. Даже больше, чем полвека...

Любовь Петровна вытянула ящик старомодного комода, достала пухлую папку, сразу нашла нужную фотокарточку. Чуть больше открытки...

Выглядел он... несовременно. Как мальчишки в старых фильмах. Как школьник Волька Костыльков в кино про Хоттабыча. Фуражка военного образца, широченные брюки, блуза с бляхой. Галстук-косынка поверх блузы... А лицо под козырьком толком и не рассмотреть, только чубчик торчит из-под козырька. Пионер Костя Евграфов воткнул лопату в кучу прошлогодних листьев и грудью налег на черенок. А в двух шагах от него стояла тощая девочка с граблями. С насупленными бровями и приоткрытым ртом. Щекой прижималась к длинному черенку. Видимо, Люба Грибова. Она была в платье с черным фартуком и в резиновых сапогах на тонких ногах.

– Шестой класс... – вздохнула Любовь Петровна. – У мальчиков тогда впервые появилась школьная форма, такая вот. Впрочем, ненадолго, скоро ее поменяли на костюмы с пиджачками. А то с первого класса – будто солдафоны какие-то...

– Думаете, он вас не помнит? – осторожно сказал Ваня. – Вы же несколько лет были в одной школе...

– Я после седьмого класса уехала в Омск и жила там два года. Вернулась только в десятом. Костя и тогда не смотрел в мою сторону. Было на кого смотреть и без меня... Его в ту пору звали Граф. Е Вэ Графов, «его высочество Граф». Был он изящен, резок в суждениях, часто спорил с учителями, но без грубостей, а иронично и вежливо... Девочки по нему обмирали...

«„Граф“, кажется, не „высочество“, а „сиятельство“», – подумал Ваня. Но сказал не то:

– Его и сейчас иногда Графом зовут. Бабушка Лариса Олеговна... А вы хотите с ним увидеться, да?

– Я совсем недавно узнала, что Константин Матвеевич вернулся в Турень. Мне достали его телефон. Сейчас в двадцать пятой школе есть нечто вроде клуба ветеранов, там встречаются те, кто... еще остались на этом свете и не забыли ученические годы. А профессор, видимо, про это не знает: весь в своих научных проблемах. Вот я и решила его... так сказать, приобщить... Ванечка, будь добр, продиктуй до конца номер телефона.

Ваня продиктовал. Потом подержал еще перед глазами снимок. От старой фотобумаги почему-то пахло не то корицей, не то ванилью.

– Любовь Петровна, я ему... дедушке расскажу про вас. А теперь я пойду, ладно? Пора...

– Давай я тебя провожу! А то вдруг эти «велосипедные витязи» вертятся поблизости...

– Нет, что вы! Наверняка уже укатили... А если что – удеру, – сказал Ваня весело и без лишнего героизма. – Махну через забор – не догонят...

– Заходи в гости. С тобой интересно беседовать. Я тебе в нашей библиотеке присмотрю что-нибудь из старых жюль-верновских изданий...

– Спасибо!

Полуденный выстрел

Любовь Петровна еще раз сказала «заходи в гости», притворила за Ваней дверь, и он стал спускаться по ступеням. Неторопливо и без всякого желания.

На полпути ему встретилась девочка лет десяти. Тощенькая, в светлом платье с матросским галстучком, ничем не приметная. В лестничном полумраке лица и не разглядишь. Ваня заметил только вздернутый нос и очень светлые реденькие волосы, расчесанные на пробор. Посторонился, прижавшись поясницей к перилам. Надо было бы, наверно, сказать «привет» или «здрате» (небось внушка Любви Петровны), но он постеснялся. Так, молча, и разошлись...

После темной лестницы двор показался очень ярким. Ваня сошел с крыльца и затоптался. Надо было пойти к калитке и выглянуть: нет ли поблизости неприятелей. Но... не хотелось. Может, лучше сразу в дальний край двора, а там – на поленницу, на забор и в переулок, где его, Ваню, вовсе не ждут?

Он не успел принять решение.

– Подожди! – долетел с крыльца голосок.

Это была девочка. Та самая. Смотрела, тревожно мигая белыми ресницами.

– Ты – Ваня?

– Д-да, – съезженно сказал он и тоже мигнул.

– Вот... Ты забыл у бабушки шнурок. Она велела вернуть...

Девочка держала синий шнурок от футбольной рубашки двумя пальчиками.

– А... Да... Спасибо...

Ваня начал неловко продергивать завязку с пластмассовыми кончиками в отверстия на ткани. Старательно так продергивал и смотрел вниз. И разглядел, что на девочке такие же плетенки, как у него. Тоже на босу ногу. Только

размером поменьше... Она вся была «поменьше». Где-то на год помладше Вани и ростом ему до уха. Щуплая такая, с колючими поцарапанными локотками.

Ваня продернул шнурок и стал его старательно завязывать. Идти через двор к забору на глазах у девочки было неловко (вдруг догадается о его страхах!). А соваться к калитке – немалый риск.

«Чего она торчит тут, не уходит!..»

Девочка потрогала на виске белобрысую прядку (Ваня заметил, что прядка не совсем белая, а с чуть желтоватым оттенком). Девочка сказала:

– А еще...

– Что? – бормотнул Ваня, завязывая шнурок на третий узел.

– Бабушка попросила... чтобы я тебе показала безопасную дорогу. Потому что тебя на улице караулят хулиганы. Она разглядела в окно...

Когда Любовь Петровна успела это разглядеть и рассказать все внучке? Впрочем, какая разница! У Вани от неловкости зачесались уши. Но... изображать бесстрашного героя было глупо. Во-первых, девчонка все равно все понимала, а во-вторых... если поймают – накостыляют так, что век не забудешь. А могут и мобильник отобрать...

Ваня посопел и небрежно спросил, глядя на девчонкины плетенки:

– Что за дорога-то?

– Пойдем...

Она спрыгнула со ступеньки, оглянулась и зашагала по тропинке среди подорожников. Ване что делать? Пошел следом (петух на лестнице проводил его насмешливым взглядом).

Девочка шла туда, куда собирался и Ваня, – к дальнему забору с поленницей. Но карабкаться на поленницу они не стали, а пролезли в тесный промежуток между

дрвяным штабелем и досками (девочка – впереди, смущенный и послушный Ваня – следом). Виновато смотрел на ее тонкую шею с белым пушком. Шея была открыта, потому что волосы разделялись на две короткие косички. Девочка отодвинула на заборе доску, скользнула в щель, оглянулась:

– Пролезешь?

Ваня пролез без труда, только слегка зацепился карманом с мобильником.

За щелью открылся длинный проход: слева глухая кирпичная стена, справа – забор. Было видно, что шагов через двадцать проход поворачивает влево. А что дальше – непонятно.

– Дальше – еще один двор, с огородом, – словно в ответ Ване сказала внучка Любви Петровны. – Его надо проскочить незаметно... А потом будет в кустах тропинка, она приведет на край лога. А там дорожка, между логом и спортплощадкой... Квакер туда не пойдет, не догадается.

– Кто не пойдет?

– Квакер. Тот, кто тебя ищет... Это не имя, а прозвище. Потому что такой вот... лягушачий портрет. Видел, как он улыбается?

«Квакеры – это вроде бы секта была такая в Америке», – вспомнил Ваня. Но не стал уточнять, хмыкнул:

– Прямо партизанская война с этим Квакером...

Было все-таки стыдно, что приходится убегать и прятаться с помощью девчонки.

– Конечно, война, – согласилась девочка. – Но мы его перехитрим. От спортплощадки всего квартал до твоего дома. Ты не бойся...

«Я и не боюсь», – хотел ответить Ваня и понял, какое это будет глупое вранье. Спросил насупленно:

– А откуда ты знаешь, где мой дом?

– Бабушка сказала. И еще сказала, что с твоим дедушкой училась в школе...

«Когда она успела? – подумал Ваня. – И про адрес, и про деда, и как меня зовут... Видать, я долго топтался на крыльце...» И вспомнился петух с насмешливым взглядом.

Девочка не спешила. Остановилась и будто прислушивалась. Наконец позвала:

– Ну, идем...

Середина прохода заросла темной травой с узорчатыми листьями, вроде как у полыни. Ростом выше колен. А вдоль забора тянулась неширокая тропинка. Девочка шагнула на нее. Ване надоело быть все время позади, он решил пойти рядом с девочкой – прямо через травяную чащу. Девочка быстро оглянулась, уперлась ему в грудь ладошками:

– Что ты! Не ходи там!

– Почему?

– Это же татарская крапива! У вас в Москве такой, наверно, нет. Она в сто раз кусачее обыкновенной...

Ваня глянул недоверчиво. Трава казалась безобидной, совсем не похожей на крапиву. Но... спасительницам полагается верить. И он послушно пошел следом, в затылок девочке. Однако любопытство было сильнее страха. Ваня не утерпел, тыльной стороной ладони мазнул по макушке растения... «Ма-амочка моя!» Хорошо, что не вляпался ногами, а то плясал бы теперь, как на костре!

Девочка опять оглянулась.

– Зацепил все-таки?

– Чуть-чуть...

От этого «чуть-чуть» ядовитые иглы прошивали руку аж до локтя.

- Потом обмакнешь в холодную воду. Через часик пройдет.

«Ничего себе – через часик!..» Ваня на ходу лизал руку, как обжегший лапу кот.

Проход сделал поворот, и оказалось, что он упирается в крепкий, в два ребячьих роста, плетень – из толстых прутьев и березовых жердей. Девочка приложила палец к губам, раздвинула прутья.

- Ох... ну так и есть. Пасется среди грядок...

- Кто?

- Парамоныч. Хозяин огорода. Если увидит нас, будет скандал.

Ваня тоже глянул сквозь плетень. Грузный дядька среди помидорной ботвы был старый и, кажется, хромой.

Ваня азартно шепнул:

- Если рванем напрямик, он не догонит... – Хотелось показать девочке хоть какую-то смелость.

Но девочка мотнула косичками.

- Он меня знает. Сразу пойдет ябедничать бабушке.

- И что? Ты ей объяснишь, что спасала меня... Или все равно попадет?

- Да ничуть не попадет. Но он станет мучить ее разговорами про современную молодежь и клянчить взаймы. На четвертинку... Давай подождем немножко.

- Давай... – Ваня снова стал лизать руку.

В кармане опять затрепыхался, запиликал мобильник.

- Ванечка, ты далеко?

- Да недалеко, недалеко! Приду уже скоро! Не волнуйтесь вы, пожалуйста!..

- Я волнуюсь, потому что ты можешь не успеть. Если начнет сильно хлестать, спрячься под навесом на автобусной остановке или в каком-нибудь магазине...

- Что - хлестать?

- Да ты разве не видишь? Посмотри на небо!

В самом деле - как потемнело! Ваня глянул вверх. Над кромкой кирпичной стены клубилась белесая кайма лиловой тучи. Елки-палки! А он и не обращал внимания на небо во время своего малодушного бегства от Квакера!

У здешней погоды такое свойство: среди жаркого ясного дня вдруг откуда ни возьмись вырастает грозное облако - треск, ливень, сломанные ветки тополей! А через полчаса опять солнце и благодать...

- Сейчас пойдет, - деловито сообщила девочка. - Но это даже хорошо. Парамоныч уберется, а мы бегом под дождем... Не размокнем, да?

- Да... - озабоченно сказал Ваня. - Только я боюсь, что намокнет мобильник. У меня уже было так в мае, в Москве. Попал под ливень, и телефон отказал. Его починили, но он с той поры крикает... как простуженный селезень. Я даже не жалею, что забыл его дома. А этот - дедушкин...

- Если дедушкин, то конечно... Тогда надо отсидеться. - Девочка сказала это с такой серьезностью, что на миг почудилась усмешка.

- Где тут сидеть-то? - буркнул Ваня. Сверху уже падали капли.

- Вон там... - Девочка потянула его за локоть назад, к повороту.

В кирпичной толще стены у самой земли виднелась квадратная ниша. Высотой и шириной около метра и чуть поменьше в глубину. Ваня мельком подумал, что, наверно, стена была когда-то противопожарной защитой. Называется

«брандмауэр». А в нише в ту пору стояла бочка с запасом воды.

2

В убежище влетели с разбега, завозились, устраиваясь. Девочка угодила Ване коленом в бок, он зашипел. Наконец уселись рядышком.

Сверху хлынуло. Ливень падал отвесно, стена не заслоняла от него землю. Но в углубление струи не попадали, только редкие брызги покусывали ноги. Ваня втянул их поглубже, согнул посильнее, охнул.

- Что? Руку жжет? - посочувствовала девочка.

- Бок... Ты мне врезала коленкой между ребер, она у тебя как деревяшка, - слегка дурашливо объяснил Ваня.

- Да, я костлявая, - печально призналась девочка.

Ваня ощутил себя виноватым. Неловко утешил:

- Не костлявая, а... худощавая.

- Нет, костлявая... Всегда натыкаюсь суставами на что попало. Вот и на тебя... Ой!

Это сильно сверкнуло снаружи. И сразу грохнуло так, будто стена раскололась сверху донизу. Девочка вздрогнула и притиснулась к Ване - щуплым своим плечиком к его плечу (рядом с которым была эмблема «Айвенго»). Он высвободил из-под себя руку, обнял девочку за спину, пальцами охватил ее другое плечо. Без всякого стеснения. До сих пор он был «тем, кого спасала она», а теперь спасал он. Стал смелее и уверенней и как бы отдавал девочке долг.

- Не бойся.

– Ага, «не бойся»... – Она не стала освобождаться из-под руки. – Я грома и молний боюсь пуще всего на свете... Пуще пауков и мокриц...

Ваня тоже побаивался грозы, но в меру. И сейчас деловито объяснил:

– Сюда молния не влетит. Ей ведь нужно для разгона расстояние, а здесь тесно. А гром – это просто звуковой эффект...

«Звуковой эффект» грянул так, что девочкино плечо под Ваниными пальцами затрепетало, будто подбитое крылышко.

– Да не бойся ты. Здесь безопасно. Даже... хорошо.

Было и правда неплохо. Кто-то расстелил здесь сухую траву, а на нее бросил старый мешок.

– Видать, это обжитое местечко, – сказал Ваня, чтобы отвлечь девочку от страха.

– Ага... Раньше здесь жил беспризорный пес Каштан. А год назад его забрал себе Квакер...

– Значит, Квакер знает это место! – сразу встревожился Ваня.

– Его многие знают. Но Квакер же не знает, что это место знаешь ты, – обстоятельно рассудила девочка. – И не будет искать тебя здесь... Тем более сейчас...

Подтверждая это «сейчас», гроза ударила снова. Правда, уже не так страшно. Шум ливня стал ровнее, хотя и оставался сильным. Лариса Олеговна при таком дожде обязательно говорила: «Разверзлись хляби небесные...» И заводила разговор о капризах нынешней погоды, о всеобщем потеплении климата, которое на деле оборачивается похолоданием, о бестолковых прогнозах синоптиков; о своей знакомой, которая работала на местной метеостанции и уволилась, потому что поругалась с начальником: он велел объявить, что на выходные ожидается прекрасная погода, хотя по всем данным следовало ждать снежных зарядов... А также о муже этой знакомой, которому недавно сделали безболезненную операцию на почках, и о его сестре, купившей у какого-то

проходимца кольцо с бриллиантом, оказавшимся простой стекляшкой...

Лишь бы не вздумала позвонить сейчас. Пришлось бы тянуться к карману за телефоном, беспокоить девочку.

Она словно угадала Ванину мысль, шевельнулась, будто хотела освободить плечо из-под ладони, но тут гром ударил с новой силой, и она опять прижалась. Надо было успокаивать снова.

- Послушай... Ты про меня столько знаешь: и откуда я, и где живу, и как зовут... А тебя как звать?

- Лариса, - быстро сказала она.

- Как мою бабушку... Но ты же не бабушка. Есть имя покороче?

- Да. Иногда зовут Лора. Или даже Лорка. Это не обидно, мне нравится.

- Конечно, чего обидного... Наоборот, красиво даже. Был такой испанский поэт, Федерико Гарсия Лорка. Его фашисты расстреляли. Очень известный поэт...

- Ты его читал? - шепотом спросила Лорка.

- Нет, - признался Ваня. - Мне мама рассказывала. Она готовила выставку иллюстраций к его стихам. В Обществе российско-испанской дружбы... Я спросил: а что по-испански значит «Лорка»? А она говорит: не знаю, посмотри в словаре. Я полез в словарь, но там такого слова нет. Есть только похожее, «лоро»...

- А это что такое?

- Это значит «золотистый». Только не ко всякому существительному относится, а к полю, к хлебам. Например, «золотистая рожь»... Или... - Он запнулся, но сразу храбро сказал: - «Золотистая Лорка».

- А... что это значит?

Он сказал еще храбрее:

- Не ясно разве? Золотистая ты.

Лорка засмеялась - не очень весело, но звонко.

- Разве я золотистая? Вся белобрысая. В классе даже дразнятся иногда: седая...

Ваня не стал говорить, что дразнятся дураки, - это было бы слишком просто. Он разъяснил с ученой ноткой:

- Они плохо смотрели. Все зависит от угла зрения. Я вот сегодня глянул на тебя на крыльце и увидел в волосах золотые искорки.

Лорка помолчала и шепнула:

- Правда, что ли?

- Ну подумай, зачем мне врать?

- Никогда не замечала.

- Потому что не смотрела на себя в зеркало при ярком солнце. Ты попробуй...

Лорка ничего не ответила. Повозилась, освободилось из-под Ваниной руки, попыталась натянуть на коленки подол, не сумела, уперлась в них подбородком.

- Ваня, послушай. Дождь потише стал, да?

- Потише...

Гроза кончилась так же стремительно, как началась. Вмиг ослабел и через минуту прекратился ливень. Гром прощально порокотал где-то в отдалении. Солнце окрасило желтизной край уходящей тучи.

– Кажется, отбой, – сообщил Ваня и бодро завозил ногами. – Подождем еще или будем выбираться?

– Будем, – решила Лорка. – Парамоныч спрятался от дождя, и надо успеть, пока не появился снова.

З

Они успели.

Воздух был сырой, плетень, сквозь который они продрались на огород, – тоже. Широколистная трава, что росла рядом с грядками, цапала ноги мокрыми ладонями (Лорка даже повизгивала). Зато огород миновали за несколько секунд. С натугой раздвинули прутья-палки в другом плетне и выбрались на дощатый тротуарчик – он тянулся по краю лога, огибал могучие кривые тополя. Пахло дождем, тополиной листвою, влажными травами. Миллионы капель в зарослях лога сияли радужными искрами. Ваня хотел постоять, подышать. Но Лорка потянула его за руку:

– Идем скорее... – Кажется, она не до конца доверяла этой прохладной благодати.

И... правильно не доверяла. Когда они свернули с тротуарчика и оказались на тропинке рядом с сетчатой изгородью спортплощадки, навстречу им вышли из-за трансформаторной будки Квакер и его дружки. Пешком. Велосипеды держали за рули...

Перехитрили, гады! Переждали где-то грозу, вычислили путь беглецов, перекрыли дорогу. Для них, видать, это была очень важная охота. Интерес, азарт! «Смысл жизни», как выразился при первой встрече Квакер. Сейчас он с откровенной радостью улыбался лягушачьим ртом. Его дружки тоже улыбались, но как-то невыразительно. Лица их были туповато-одинаковые.

– Какая встреча! – Квакер широко развел руки, словно готов был обнять Ваню и Лорку. – Впрочем, ожидаемая. Девочка думала, что она умнее всех, но Квакер

тоже не дурак, знает каждую тропинку. И тропинки сошлись...

«Владеет речью, гад...» – опять подумал Ваня.

– Чего надо, Квакер? Большие, крутые, да? – сказала Лорка без боязни, но и без надежды, что все кончится хорошо.

– Ага... – Квакер улыбнулся еще шире. – Ты, девочка, иди домой, там волнуются... А мы поговорим с мальчиком. Нам интересно, откуда он такой. Видно, что не здешний...

– Лорка, иди... – шепотом попросил Ваня.

Если бы она ушла, он рванул бы назад – и головой в заросли лога. Плевать на сырость, ветки-колючки и всякую там татарскую крапиву, это не смертельно. И «ковбои» небось не стали бы догонять, с великами-то... Но Лорка никуда не пошла. Стояла бок о бок с Ваней и даже чуть впереди. Мало того, она подняла с тропинки обломленной грозой тополинный сук. Сказала тонко:

– Лучше не подходите.

Квакер и его дружки посмеялись. Не сердито, сочувственно даже.

«Ненормальная», – жалобно подумал Ваня. Но сказать: «Уходи, я от них сбегу», – было теперь стыдно. Кстати, большого страха он не чувствовал, только опять жгуче зачесалась ужаленная рука да малость ослабели ноги.

Квакер отдал руль своего велосипеда приятелю, перестал улыбаться и сделал шаг вперед...

В этот момент грохнуло!

Нет, не гром, а что-то вроде взрыва. Тугой и короткий, без раскатистости, удар.

Квакер замер. У него округло приоткрылся широкий рот.

Лорка дернула плечами и шепотом спросила:

– Ваня, какое нынче число?

Более дурацкого вопроса задать не могла!

Но он так же быстро ответил:

– Двадцать второе... А что?

– Ага... – выговорила она с тихо-торжественной ноткой. И смотрела теперь в упор на Квакера. – Ну что, Квакер? Будешь продолжать охоту? Забыл закон, да? Может, уже волосы растут между пальчиками? – Она вдруг стряхнула со ступни плетенку и пошевелила над лужицей голыми пальцами. Ехидно так.

Рот у Квакера медленно закрывался. И проступала на лице явная досада.

– Ваше счастье, головастики... – выговорил он.

Один из его дружков сунулся вперед (пухлощекий такой, с розовым следом отлетевшей болячки на подбородке).

– Да чо такого! Давай хоть отвесим пендаля по ж... и башкой в репейники...

– Цыц, – угрюмо сказал Квакер.

Он опять перехватил руль, двинул свой велик назад и в сторону и заставил сделать это своих дружков. Освободил проход по тропинке. Хмыкнул.

– Идите, пока я добрый... – И добавил, глядя на Ваню: – Считаю, милый мальчик, что судьба подарила тебе еще полсутки жизни.

Лорка отбросила палку, подняла с земли плетенку, взяла Ваню за локоть и храбро повела его мимо «ковбоев». Ваня ничего не понимал. Однако он чувствовал: сейчас его не тронут. Правда, один из приятелей Квакера (не тот, что с пятном от болячки, а другой, похожий на гусака) слегка замахнулся, но у Вани хватило характера не вздрогнуть.

Тропинка вывела их к белому зданию университетского общежития. Лишь тогда Ваня оглянулся: без боязни, а так, из любопытства. Но «ковбоев» уже не было видно: остались за углом.

– Сегодня уже не тронут, – успокоила его Лорка.

– Я понял... Но почему не тронут? Лорка, что это за закон? – Ване было почему-то неловко.

– Ты же слышал выстрел. Это самодельная пушка, у здешних мальчишек. Они стреляют из нее раз в году, в самый длинный день лета, называется «солнцестояние». В полдень стреляют. Это обычай такой. После выстрела и до заката нельзя затевать драк и кого-нибудь обижать... В общем, такое правило в здешних местах...

Вот это правило! Ни о чем подобном Ваня раньше не слышал.

– И его все выполняют?

– Ну... не все, конечно. Для всяких отморозков оно не указ. Например, для Рубика или для Репы. Но Квакер... он, конечно, балда и хулиган, только все же помнит про закон... Это как в книжке про Маугли. Читал?

– Читал. Только давно, плохо помню... – признался Ваня. – При чем там... волосы какие-то...

Лорка засмеялась.

– Там разные были звери! Волки, с которыми жил Маугли, знали законы джунглей. Они не нападали ради крови, не были слишком жестокими. А их враги, дикие собаки, никаких законов не признавали. И у них между пальцами на лапах росли волосы. У волков их не было, а у собак были. И Маугли дразнил их за это. Прыгнет на дерево и вот так... – Лорка приподняла ступню и опять пошевелила пальцами (она все еще была без плетенки на левой ноге).

Ваня засмеялся. И Лорка засмеялась, стряхнула вторую сандалетку.

- Снимай и ты, а то промочишь. Сейчас лужи кругом...

Ваня послушно сбросил плетенки. Стоять босыми ступнями на мокром гравии было непривычно и приятно. Он с удовольствием потоптался. И в это время опять проснулся мобильник.

- Ванечка, где ты? Я вся извелась! Такая гроза...

- Да всё со мной в порядке! Мы переждали грозу в сухом укрытии!

- Ванечка, кто «мы»?

Он прямо посмотрел на Лорку, потом на телефон и без хитростей сообщил в трубку:

- Я познакомился с девочкой. Это внучка знакомой Константина Матвеевича. Сейчас я провожу ее и сразу приду.

- Ваня, я не поняла! Какая знакомая? Какая вну...

Телефон пискнул и замер. Кончились деньги.

Ваня покаянно сказал:

- Я дурак. И этот... э-го-ист... У тебя ведь нет мобильного. Надо было дать тебе, чтобы позвонила бабушке, а то она небось вся испереживалась... А теперь он издох...

- Не-е, она не очень переживает. Она ведь не знает, как я боюсь грозы. Думает, что я вообще ничего не боюсь. И ничего со мной не случится...

- Ты и правда...

- Что? - глянула Лорка сбоку (они рядышком тихо брели вдоль белого корпуса, шлепали по лужицам).

- Ты... и правда героическая личность. Прямо Жанна д'Арк...

- Ага! Как обмирала там, в конуре...

- Ну и что такого! Даже самый героический человек чего-нибудь на свете боится... Петр Первый боялся тараканов...

Лорка опять глянула искоса. И вдруг спросила:

- А ты?

- Я?.. - Он вздохнул вроде бы и всерьез, и дурашливо. - Если все вспоминать... - И вспомнил один, не самый большой страх. - Боюсь, например, что опять заставят заниматься музыкой.

- А ты не хочешь? Тогда упрись!

- Ну, упрюсь... А куда деваться-то? Со взрослыми много не поспоришь.

- А что? Могут отлупить, да? - понимающе сказала она.

- Да при чем тут это?.. - вздохнул мальчик Ваня, которого не лупили ни разу в жизни. - Просто... у меня характер не такой героический, как у тебя... - Это опять было то ли в шутку, то ли всерьез.

- Ну уж, не героический! Вон как вляпал помидором Квакеру!

- Это просто лопнуло что-то внутри. А потом сразу пожалел, да поздно...

- По-моему... ты не очень пожалел... - серьезно сказала она.

«По-моему, да. Иначе мы бы и не познакомились...» Но выговорить это вслух он не решился.

Они обогнули общежитие и оказались в сквере недалеко от костела. До Ваниного шестиэтажного, с зеленой крышей дома было рукой подать. Впрочем,

и до квартала с Лоркиным домом недалеко.

Лорка тихо спросила:

– А ты... правда думал меня проводить?

– Если хочешь...

– Ага... пойдём... – вздохнула она.

И они пошлепали по мокрой асфальтовой дорожке. Похлопывали мокрыми сандалетками – подошва о подошву.

– Лорка... А откуда обычай такой? Ну, про выстрел, когда солнцестояние? И что за пушка?

– Ваня, я даже и не знаю точно. Это надо у мальчишек спрашивать...

– У Квакера, что ли? – насупился Ваня.

– Нет, конечно! Это надо у Трубачей. Такое общее прозвище из фамилий: Трубин и Чикишев. Федя и Андрюшка. Ты не бойся: они не такие, как Квакер, крутых из себя не строят... И пушка сейчас у них...

«Больно я нужен трубачам с пушкой», – подумалось Ване.

Но Лорка, словно угадав эту мысль, сказала:

– Тебе полезно с ними познакомиться. А то ведь у тебя пока нет здесь друзей, да?

– Кроме тебя, – выскочило у Вани. И лишь потом он смутился. Огрел себя мокрой подошвой по колену.

А Лорка не смутилась, понятливо кивнула:

– Да. Но я не смогу защищать тебя от Квакера. А Трубачи... они в драках натренированные. С прошлых лет...

Ваню не очень тянуло на знакомство с тренированными в драках пацанами. Но, с другой стороны, Лорка права. Невозможно все лето жить беззащитным.

Лорка решила:

– Ты проводи меня сейчас, потом иди домой, успокой свою бабушку, а после обеда приходи ко мне снова. Тогда и пойдём к Трубачам...

Трубачи и Никель

1

Историю Трубачей Ваня узнавал постепенно, при разных встречах и разговорах. Как говорится, отдельными фрагментами. Но излагать ее такими отрывками здесь не имеет смысла. Это постоянно прерывало бы роман. Поэтому расскажем сразу и по порядку.

Федя Трубин и Андрюша Чикишев дрались в течение почти четырех лет. С начала первого и до окончания четвертого класса. Без большой жестокости, но деловито и регулярно. Почти каждую неделю. До разбитых носов доходило редко, однако синяки были делом обыкновенным. Эти синяки и постоянные известия о поединках приводили в отчаяние родителей, учительницу Юлию Васильевну, а также бабушку Андрюшки.

За что Трубин и Чикишев не любили друг друга, что делили между собой, понять не было возможности. Они не соглашались друг с дружкой ни в чем. Как в старой песне: «Если один говорил из них „да“, „нет“ говорил другой». В проигранных футбольных матчах с другими классами Трубин всегда обвинял Чикишева, а тот, естественно, Трубина. Если на уроке Юлия Васильевна просила Федю рассказать о Куликовской битве, следом поднимал руку Андрей и заявлял,

что Трубин все переврал. «Самым бестолковым образом!» Если отправлялись в поход на Гилевские луга и Чикишев получал задание разжечь костер, Трубин тут же всех оповещал, что Андрюшка спалит окрестные леса, но зажечь ни одну ветку в костре не сумеет... И конечно же: «Ну чо, пошли за кусты?» – «Само собой...»

И девчоночье повизгиванье: «Ой, ребята, они опять!» И очередные заявления Юлии Васильевны на родительском собрании, что «с учебой у этих двоих нет больших проблем, но своим поведением они постоянно снижают показатели класса по дисциплине». И что «родителям пора бы принять надлежащие меры». Но у родителей были мягкие характеры и для надлежащих мер не хватало решимости.

Зато однажды еехватило у Евдокии Леонидовны, Андрюшкиной бабушки. Онашла с рынка и увидела двух вечных неприятелей, которые сцепились прямо на улице, на весенней травке у чикишевских ворот. Она оставила корзинку на лавочке, ухватила обоих противников за воротники и отвела в сарайчик, что стоял в глубине двора. Там она скрутила в жгут мешок из-под картошки. Сказала любимому внуку: «Иди сюда». Андрюшка подошел. Он никогда не уклонялся от ответственности за свои дела. Евдокия Леонидовна взяла внука за шкуру и взгрела пыльным жгутом по лопаткам.

Федя мог бы удрать в незапертую дверь, но счел такое бегство унижительным. Слегка запыхавшаяся Евдокия Леонидовна сказала ему:

– А тебя я сейчас отведу к твоей тете, Клавдии Кузьминишне, и попрошу сделать с тобой то же самое.

Трубин объяснил, что тетя на работе. И мама с папой тоже.

– Лучше сделайте со мной это сами. Чтобы стало справедливо. Мы же дрались одинаково...

– Охотно, – отозвалась еще не остывшая Андрюшкина бабушка. И сделала. Федя не пикнул, как и Андрюшка (подумаешь, мешок!).

Отдышавшись, Евдокия Леонидовна грозно спросила:

- Будете еще драться?

- Я больше не буду, - привычно пообещал Андрюшка.

- И я не буду...

- То-то же!.. Миритесь немедленно и убирайтесь! И чтобы больше ни разу...

Трубин и Чикишев покладисто кивнули друг другу, покинули сарайчик и деловито закончили драку в саду, под набирающими цвет яблонями...

Неизвестно, сколько бы еще продлилась их затяжная война, если бы не девятиклассник Артур Сенокосов.

Сенокосов тоже был нарушитель дисциплины (часто приставал к девчонкам), а еще - бестолочь и трус. После очередного скандала и разборки в кабинете директора он притихал. Чтобы дать Артуру шанс исправиться, учителя поручали ему какую-нибудь общественную работу. Например, вешать в вестибюле плакаты перед праздниками, следить, чтобы никто не проскакивал в школу без сменки, или наблюдать за порядком на этаже с младшими классами. Но ведь известно: «Заставь дурака Богу молиться...» И однажды этот дурак усмотрел непорядок в поведении четвероклассника Никитки Кельникова.

Никитка шагал по коридору, улыбался, смотрел перед собой и махал снятым ранцем. Вообще-то он редко ходил так живо, а ранец всегда аккуратно носил за плечами. Но сейчас, видно, было у него какое-то особое настроение.

У Артура тоже было настроение, но не особое, а просто скверное. Когда Никиткин ранец задел брючину Сенокосова, тот паучьим движением ухватил четвероклассника Кельникова за плечо:

- Ты чего махаешься! Чуть ногу не перешиб!

Никитка перестал улыбаться.

- Я нечаянно... Извини, пожалуйста...

– Ха, «нечаянно»! А школьная дисциплина не для тебя? Ну-ка, марш к батарее – и двадцать отжиманий!

Никитка замигал и сказал тихо:

– Мне это нельзя, отжимания... Ни одного...

Ему и правда было нельзя. Тихий, безотказный, добрый ко всем Никитка Кельников с младенчества страдал пороком сердца. Еще в первом классе на собрании (когда Никитка болел дома) Юлия Васильевна сказала:

– Ребята, вы поймите: у него сердечко – как лампочка из тонкого стекла. Толкнешь неловко – и одни осколки...

Класс притих. Маленькая курчавая Света Дымкина вдруг всхлипнула...

С той поры знал каждый: обидеть тихого Никитку (с ласковым прозвищем Никель), зацепить неловко или хотя бы просто прикрикнуть на него – совершенно бессовестное дело. Все это понимали, даже самые сорвиголовы во всех классах. Только Артур Сенокосов, кажется, не знал, не понимал.

Он тряхнул Никитку за плечо:

– Кому сказано! А то сделаю из тебя цыпленка табака!

Трубин и Чикишев шли в ту пору из туалета после небольшой драчки. По разным сторонам коридора. Андрюшка трогал языком припухшую нижнюю губу. Они в один и тот же миг увидели дурака Артура и Никитку.

Они посмотрели друг на друга. Быстро сошлись.

– Ты – под ноги, я – башкой, – быстро сказал Федя.

– Почему это я под ноги, а ты?! – привычно возмутился Чикишев.

Но тут же понял, что не время для спора. Незаметно шагнул за Артура и прилег позади него на половицы. В ту же секунду Федя с разбегу врезал Сенокосову головой в живот.

Длинный Сенокосов отпустил Никеля и загремел через Андрюшку, будто Дон Кихот с мельничного ветряка. Только вот не было звона доспехов. Зато были грозные вскрики:

– Это! Что! Такое! Это! Опять! Чикишев и Трубин!..

Разумеется, на месте происшествия возникла вездесущая и бдительная завуч Карина Эдуардовна. Было бы странно, если бы не возникла. И потому никто не удивился. Хнычущий Сенокосов воздвигся над полом. Андрюшка тоже вскочил. А Никитка Кельников вежливо и безбоязненно разъяснил завучу:

– Карина Эдуардовна, они не виноваты ни капельки. Они просто заступились за меня.

Карина Эдуардовна была крикливой и не очень-то доброй. Но она не была глупой. Ее педагогического опыта хватило, чтобы сразу понять, что к чему.

– Сенокосов! Марш ко мне в кабинет, там поговорим!.. Кельников, ты не пострадал?

– Не успел, – виновато улыбнулся Никитка.

– Чикишев и Трубин... гм... Я не верю глазам. Вы впервые оказались не друг против друга, а плечом к плечу. Это вселяет надежду... Хотя драться все равно недопустимо... Но я не стану ничего писать в ваши дневники, если вы дадите обещание!

– Какое? – спросил Андрюшка, снова тронув языком губу.

– Вы дадите мне торжественное обещание больше никогда не драться друг с другом... А?

– Конечно! – весело отозвался Федя.

– Ага, торжественное, – беззаботно подтвердил Андрюшка.

У того и другого был богатый опыт подобных обещаний.

Карина Эдуардовна глянула с сомнением, но решила поверить и удалилась. Разбираться с дураком Сенокосовым. Трубин и Чикишев тоже пошли, рядом.

– Если бы ты не упал пузом на пол, а встал на коленки, он бы загремел сильнее, – сказал Федя.

– А если бы ты вделал ему покрепче, он бы...

И в эту секунду они ощутили спинами не то легкий укол, не то мягкий толчок. Оглянулись. Никитка Кельников глядел на них то ли с упреком, то ли с виноватой просьбой. Они одинаково засопели, отвернулись и пошли в свой класс молча.

2

На следующий день (за неделю до летних каникул) уроки закончились раньше обычного, и радостная толпа рванула к дверям. А оставшийся на месте Никель вдруг сказал в спину Трубину:

– Федя...

Негромко сказал, но тот почему-то сразу услышал. Остановился (его толкали).

– Чего?

– Подойди, пожалуйста... Нет, сначала позови Андрюшу...

– Чикишева, что ли? Чего это я буду его звать!

- Ну пожалуйста, - все так же тихо сказал Никитка.

И Федя пошел искать Андрюшку. Догнал.

- Тебя... нас... Никель зачем-то зовет. Идем...

- Чего это я должен?.. - конечно же начал Чикишев. И мигнул. И буркнул: - Ну, айда... если зовет.

В классе было уже пусто. Лишь Никитка сидел на прежнем месте. Чуть-чуть улыбнулся навстречу.

- Ну, чего... - нерешительно сказал Чикишев. - Вот я... мы...

- Ага... - проговорил и Трубин. - Вот...

Они были оба коренастые, круглолицые, с лохматыми волосами пеньковой окраски и вздернутыми носами. С глазами цвета чайной заварки. Светлые бровки их были хмуро сведены.

Сидевший Никитка Кельников смотрел на них снизу вверх. Он опять слегка улыбнулся.

- Вы такие... прямо как два брата. Вам бы не драться, а быть все время рядом... друг за дружку...

- Чо, воспитывать надумал? - сумрачно проговорил Федя и стал смотреть на доску с нарисованной теткой (тетка была похожа на завуча Карину Эдуардовну - кто-то успел на бегу). - На фиг надо...

- Да. Не надо, Ник... - мягко сказал Андрюшка.

- Нет, я не воспитывать... Я вам подарить хочу...

Никель выложил на парту два шарика из волокнистого хрусталя. Размером с грецкий орех. В шариках зажглись искры.

Трубин и Чикишев посмотрели друг на друга. Потом на Никеля. Федя подумал, какое у того бледное треугольное лицо и большущие глаза. И тонкая беспомощная шея. Андрюшка, видимо, подумал что-то похожее.

- Да зачем?.. - пробормотал Федя.

- Ага, зачем?.. - повторил за ним Андрюшка.

- Ну... вы вчера вон как заступились за меня. Вместе...

- Ну и что? Не ради подарка, - насупился Трубин.

- Да. Не из-за него ведь... - согласился Чикишев.

Никель шевельнул шарики, щелкнул ими друг о дружку. И, глядя на них, объяснил:

- Ну... я тоже не из-за этого. А так, на память...

Федю и Андрюшку словно кольнуло холодной иглой. Одинаково. (Они потом признались в этом, когда вспоминали тот случай.)

- На какую еще... память? - выговорил Федя.

Андрюшка же опасливо промолчал.

Никель опять вскинул глазищи.

- Да, вы ведь не знаете... Завтра меня увезут в Москву. На операцию.

Трубин и Чикишев опять посмотрели друг на друга. Потом на шарики.

- Ни фиги себе!.. - вполголоса сказал Федя.

- Это... на сердце, да? - неуклюже выговорил Андрюшка.

– Ну да... – с ненастоящей беззаботностью отозвался Никель. И стал смотреть в окно.

Федя посильнее свел брови и решил:

– Ты вот что! Ты шарики сейчас не дари, а отдашь нам, когда вернешься.

Никель глянул на них, словно из темного пространства:

– «Вернешься». Вы же сами понимаете... Это же сердце, а не аппендицит. Сколько там шансов?.. Родители не хотели даже, чтобы операция... а я заставил согласиться. Надоело жить, как в клетке... Ребята, вы возьмите... Посмотрите потом на них и вспомните про меня. А я буду знать про это и думать там о вас...

Тихо-тихо стало. Наконец Федя выговорил:

– Чо про нас думать-то...

Никель лег щекой на локоть.

– А потому что... я и раньше про вас думал. Вы такие... крепкие. Думал: вот бы помирились навсегда, а я бы с вами... подружился. Как мушкетеры... Ну, я никакой не мушкетер, конечно, только все равно... хотелось...

И ясно было Трубину и Чикишеву, что похожий на журавлиного птенца Никель говорит это, потому что боится: вдруг потом не сможет сказать уже никогда... («Еще бы секунда – и я бы заревел», – хмуро признавался потом Феде Андрюшка. Федя на слезы был покрепче, но понятливо сопел.)

Федю вдруг осенило.

– Ты тогда вот что! Возьми это!..

Он выхватил из брючного кармана деревянный свисток. Простенький, из тонкого топоиноного сучка. Такие свистульки туренские мальчишки умели делать еще в позапрошлом веке, и умение это сохранилось до наших дней. Вот Федя и смастерил недавно (и был выставлен из класса за то, что пробовал свое изделие

на уроке; хорошо, что Юлия Васильевна свисток не отобрала).

- Вот! - решительно сказал он. - Это... от нас обоих. Чикиш, на, поддержи, чтобы он стал и твой... - Андрюшка послушно поддержал. И даже дунул осторожно. - Ты, Никель, там, в больнице, спрячь его под подушку. И... ну, если заскучаешь там или что еще, свистни потихоньку... Сразу станет легче.

- Точно, - кивнул Андрюшка.

- Ладно, - довольно твердо пообещал Никитка.

Взял свисток, а шарики тихонько катнул Феде и Андрюшке. Те сжали их в кулаках.

- Только вы... не деритесь больше, ладно? Или... хотя бы не очень часто. Ладно?

- Никель, да ты чего... - насупился Федя. - Мы теперь... это... Ты сам-то, главное, держись там.

- И думай только про хорошее, - добавил Андрюшка. - Если думаешь про хорошее, так все и получается.

- Да, - улыбнулся Никитка. - Я буду...

- А чего ты тут сидишь один-то? - вдруг встревожился Андрюшка. - Давай мы тебя проводим домой!

- Нет, я посижу. За мной сейчас мама придет... А я знаете, как вас называл? Ну, в уме, про себя... «Трубачи». Трубин, Чикишев - Трубачи.

- Ух ты! - прошептал Андрюшка, потому что не нашелся, что еще сказать.

А Федя подумал секунду и кивнул:

- Годится.

В дверь заглянула молодая женщина с тревожным лицом.

- Ник, ты здесь? Пойдем...

- Ник, пока, - шепнул Федя.

- Ага... Держись там, - шепнул и Андрюшка.

Они одинаково тронули Никиткино плечо кулаками, в которых были зажаты шарики. И пошли не оглядываясь. Бормотнули «здрассте» женщине у дверей. В коридоре вдруг услышали долетевшую из класса трель тополиного свистка. И быстро-быстро зашагали на первый этаж, к выходу.

За школьной калиткой Андрюшка разжал кулак, поглядел на шарик.

- У меня с прожилками... А у тебя?

- Вот... Они похожие...

- Давай поменяемся, а?

- С чего это я буду... - привычно взвинулся Трубин, и... они встретились глазами.

- Давай.

3

С того дня они всегда были вместе. Это «вместе» помогало справляться с печалью и тревогой. Но полностью тревога не исчезала. Занозой сидела в обоих Трубачах. Чтобы унять ее и чтобы восстановить в жизни хоть какую-то справедливость, они в последний день учебного года подкараулили на улице Артура Сенокосова. Встали на пути.

– Ну что, Сенокосилка, доволен? – спросил Федя.

– Конечно, он доволен, сволочь... – сказал Андрюшка. – Налетел тогда... У Ника из-за этого могло быть обострение...

– Да вы чо, парни... – пробормотал Сенокосов (он был в курсе дела). – Я же не знал тогда. Если бы я знал, я бы... наоборот... Я же... это...

«Парни» ему не доставали и до плеча. Наверно, Сенокосов сумел бы раскидать их. Но, возможно, что и не сумел бы. Все-таки Трубачи были крепкие ребята, и к тому же ими двигал тугой, как пружина, праведный гнев. Артур был глуп, но этот гнев ощутил. И сказал спасительную фразу:

– Люди, ну чего теперь-то? Что мне, с моста головой?

Федя обмяк.

– Ладно, Дрюша, пошли. Ну его в болото!

– Пошли...

Потому что можно было разодраться с дюжиной таких «сенокосилок» и даже измолоть их в крупу, но это никак не помогло бы Никелю. Даже наоборот... Всякая лишняя вражда и боль добавляют злую энергию в общее энергетическое поле Земли. Федя и Андрюшка не могли бы объяснить это словами, но теперь догадывались. Чувствовали одинаково...

И что можно было сделать? Да ничего! Живи и жди... Какая злая сила придумала эту самую подлую пытку – томительную неизвестность? «Как он там теперь?»

Казалось бы, что им Никита Кельников? Самая незаметная личность в четвертом «Б». Они про него особо и не думали до той стычки с Артуром. Вернее, до разговора, когда шарики и свисток... Кто знал, что так повернется? И сидел теперь в душе постоянный страх («Зараза такая!»). И печаль...

А увесистые шарики оттягивали карманы легоньких летних штанов, словно все время подталкивали: «Помни...» И выложить их было боязно, словно тогда

нарушится какое-то заклинание...

Однажды Федин шарик ускользнул из протертого кармана. И не где-нибудь, а на краю лога, когда тащили оттуда кленовую корягу – она была нужна для постройки хижины в Андрюшкином дворе (потому что страхи страхами, а жизнь-то все-таки продолжалась). Федя даже не пытался скрыть отчаяние. Прижал к мокрым щекам ладони, сел на эту самую корягу и ослабел всем телом. Но отчаяние беде не лекарство. Пришли в себя и кинулись искать – в самую глубину и чащу! Ободрались как черти. Собрали на себя по два пуда мусора и колючек. Татарская крапива выполнила за счет двух сумасшедших мальчишек весь летний план по издевательствам над ребячьим населением... Но они нашли! Шарик уютно лежал в консервной жестянке, сброшенной в лог со всяким сором.

После счастливой находки два дня подряд казалось, что у Никеля все кончится благополучно. Потом вернулась прежняя тревога.

И вот ведь дурацкое положение! Они даже не знали здешнего адреса Никеля. Некуда было пойти и спросить: как там? Хотя, конечно, могли и узнать, но все равно не решились бы пойти. Придешь, а тебе скажут... такое...

В середине июня они встретили на улице Юлию Васильевну. Она вела в парк, на карусели, ребят из школьного лагеря.

– Здравствуйте, мои ненаглядные. Вот уж не думала, что вы гуляете вместе! Чудо чудное... А почему не ходите в лагерь? Там интересно...

– Юлия Васильевна... – сказал Федя.

– Да, Юлия Васильевна, – сказал Андрюша. – Вы, случайно, не знаете?..

– Что?

– Ну... как там с Никелем... с Кельниковым? – выговорил Федя и сжал в кармане шарик. И стал смотреть на одуванчики.

Юлия Васильевна посерьезнела.

– Я... не знаю, ребята. Наверно, еще никак. Там ведь до операции долгий подготовительный период. Так мне его мама говорит. Я ей звонила на днях...

– Повеситься можно... – пробормотал Андрюшка.

Она пригляделась:

– А вы что? Разве такие друзья с Никитой? Вот не думала...

– Ну... друзья не друзья... – вздохнул Федя.

– А на душе маята, – честно договорил за него Андрюшка. – Ходишь и не знаешь, что делать...

Юлия Васильевна покивала:

– Да... Остается только ждать и надеяться. – И вдруг добавила: – Некоторые люди молятся в таких случаях. Если верующие... – Потом будто встряхнулась: – До свидания. В лагерь-то заглядывайте, если заскучаете... – И повела за собой вереницу послушных малышей в разноцветных кепчонках и панамках.

А Федя и Андрюшка – до лагеря ли им было?

– Ты верующий? – угрюмо спросил Федя.

– Ну... в общем-то да. Мне бабушка про веру рассказывала. И в церковь водила в прошлом году, на Троицу... А ты?

– Я... наверно, тоже да. Раз крещеный... Я в первом классе крестик носил, только потом шнурок порвался... А ты молитвы какие-нибудь знаешь?

– Одну помню.

– Тогда... идем?

Церковь (которая называлась Михаило-Архангельская) была недалеко. Возносила белую колокольню и золотые кресты над деревянными кварталами, над крышами и башенками университетских зданий. Стояла она за узорчатой решеткой среди небольшого сквера. Ко входу вела вымощенная плиткой дорожка. У приоткрытой двери сидели несколько старух. Над дверью висела застекленная икона со славным таким молодым лицом – наверно, это и был архангел Михаил. Трубачи робко подняли глаза к иконе, а одна из старух сурово сказала:

– Куда это вы, такие обтрепанные?

Они были в прошлогодних бриджах с клочками и оборванными хлястиками у колен, в замызганных футболках и в кроссовках, похожих на раздавленные птичьи гнезда. Непричесанные, конечно. Федя, однако, набрался храбрости и заспорил:

– А чего! Это же храм Божий, а не филармония. Сюда можно без нарядов.

– То-то и есть, что храм. А вы как... на сбор металлолома. Хоть бы рубахи надели чистые...

Наверно, их бы все-таки не задержали, поворчали только. Но Андрюшка и Федя – оба одинаково – почувствовали себя так, словно явились незваными на чужой праздник. Андрюшка потянул Федю за рукав. Назад.

– Давай уйдем...

За церковной калиткой он виновато объяснил:

– Наверно, эта тетка правильно сказала. Мы в самом деле такие обормоты... Бабушка моя, когда меня в церковь собирала, оглаживала целый час...

– Небось полотенцем... – усмехнулся Федя. Вспомнил про весеннее «воспитание» в прошлом году.

Андрюшка тоже хмыкнул, но без веселья.

– Дело не в рубашках, – рассудил Федя. – Бабки решили, наверно, что мы просто так, для забавы. Они ведь не знают... Может, им объяснить?

– Не хочется почему-то... – повел плечами Андрюшка. – Федь, знаешь что? Есть одно место...

– Какое?

– Ну... где можно помолиться. И даже внутрь заходить не надо.

– Это где?

– Недалеко.

Они пошли мимо учебного корпуса, мимо длинного профессорского дома и старинного особняка с аптекой. Остановились на перекрестке. Напротив ярко краснел под солнцем небольшой кирпичный костёл. С острой башенкой, с колоколом на ней.

– Вот, – сказал Андрюшка. – Смотри, там статуя...

За воротами изгороди, перед входом в костёл, подымалась на постаменте небольшая скульптура. Белая, будто из фаянса. Мужчина с маленьким мальчиком на руках.

– Этот Иосиф с маленьким Иисусом. Муж Богородицы. Он всегда заботился об Иисусе, был его земным отцом и поэтому стал святым... Мне бабушка говорила.

– Ну и что? – недоверчиво сказал Федя.

– Перед ними и можно прочитать молитву.

Федя осторожно проговорил:

– Дрюша, костёл – это ведь церковь для католиков. А мы же вроде бы православные. Будет, наверно, недействительно...

– Да какая же разница! Иисус Христос один на всем свете! А различия для церковей придумали взрослые из-за всякой политики! Детям-то не все ли равно?.. Смотри, Иисус тут совсем обыкновенный мальчик. Он, наверно, должен услышать других мальчишек...

Федя вдруг вспомнил большеглазого пацаненка среди тех, кого вела в парк Юлия Васильевна. Один из всех он был без панамки, без кепки, со светлыми кудрями и задумчивый такой...

– Дрюша, идем... – И они, переждав цепочку легковушек, перешли дорогу.

Во дворе костёла, за изгородью из редких железных копий никого не было. Дверь храма казалось запертой. Трещали кузнечики. На улице в эту минуту тоже никого. И они почти без робости встали перед статуей. Иосиф смотрел озабоченно, а маленький Иисус чуть улыбался.

– А как тут надо креститься? – прошептал Федя. – Если по-нашему, то справа налево. А по-католически, кажется, наоборот...

– Можно так и так. На всякий случай...

И они перекрестились «так и так».

– А молитва? – опять шепнул Федя. – Ты говорил, что помнишь...

– Есть такая. Бабушка часто читает. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...» «Мя» значит «меня». Но можно ведь и так: «Помилуй Никеля, то есть Никиту Кельникова».

– Наверно, можно... Ты говори, а я за тобой...

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... – негромко сказал Андрюшка, и Федя чуть сбивчиво повторил.

Андрюшка проговорил дальше:

– Помилуй Никиту Кельникова... нашего друга... и помоги ему...

– И помоги ему, – согласился Федя с таким продолжением молитвы. И даже защипало в глазах.

– Теперь давай еще раз, вместе.

– Давай.

И они повторили молитву дружно, без запинки. Потом перекрестились еще (снова «так и так»), посмотрели с полминуты на скульптуру, словно вбирая в себя мальчишечью улыбку Иисуса. Взяли друг друга за руки и вышли на улицу. Там стояла на краю тротуара высокая старая женщина в кружевной шляпке и просторной, как мешок, кофте. Смотрела на двух мальчиков внимательно и с пониманием. И они даже не смутились. Так, рука в руке, по Перекопской улице на речной обрыв – поглядеть, как там строится внизу, у воды, набережная...

Потом они еще несколько раз приходили на костельный двор – иногда вместе, иногда поодиночке (но все равно будто вместе) и шепотом читали короткую молитву. И на какое-то время становилось спокойнее.

Один раз, в начале июля, снова встретили Юлию Васильевну, и та сказала, что операцию наконец сделали, и, кажется, удачно. Однако надо еще ждать и смотреть: не будет ли негативных последствий. Можно было вздохнуть поспокойнее, но ведь не все же еще ясно...

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, пусть не будет последствий...»

...А в конце июля Феде и Андрюшке пришло письмо. На Федин адрес. (Как Никель узнал его?) Большими нетвердыми буквами Никитка писал, что все хорошо. Мол, сначала думали, что не все будет хорошо, но сейчас уже ясно, что операция удалась полностью. Надо только еще лежать – для «укрепления организма». «А вы не забыли, что вы Трубачи?»

И лето наконец расцвело ясно и беззаботно!

Последние недели этого лета Трубачи провели на Андрюшкиной даче, где дважды получали от бабушки Евдокии Леонидовны мешком – за вылазку в соседний сад и за самовольное купание. Смеху было! Письма теперь приходили на дачу – и было их четыре. В последнем Никель писал, что вернется в сентябре. Вернулся он, правда, лишь в середине октября, но зато совсем не слабый, не болезненный, как ожидалось. Даже наоборот...

Пятый «Б» встретил его с гвалтливой радостью, но долгое время еще все боялись случайно толкнуть его или втянуть в суетливую игру.

А с Трубачами и Ником было так... Да в общем-то никак не было. Просто они посмотрели друг на друга, и сразу стало их трое.

Вот к этим ребятам в день летнего солнцестояния Лорка и повела своего нового друга, московского мальчика Ваню Повилику.

Орудие по наследству

1

После обеда Ваня сообщил бабушке Ларисе Олеговне, что пойдет погулять. С девочкой Лоркой. («То есть с Ларисой, вашей тезкой».)

– Почему ты зовешь ее Лоркой? Это нехорошо!

– Очень даже хорошо! Ей самой нравится!

– Похоже, что у нее хулиганские замашки...

– Лариса Олеговна! Она внучка заслуженной библиотечарши Любви Петровны Грибовой, которая училась с Константином Матвеевичем!.. Я хотел рассказать

ему про нее, а его опять нет дома.

- Он на работе. Он снова запутался в своих сетях, и я понимаю, что добром это не кончится. Он...

- В каких сетях?

- Да в компьютерных же! Какая-то новая ступень электронных технологий. Он же объяснял тебе, по-моему! И я говорила. Из-за этих технологий его и перетащили сюда из Новосибирска. Он, может быть, и не поехал бы, но там у него начались всякие сложности с начальством, что немудрено при его характере, а здесь - и новая должность, и кафедра, и зарплата выше в два раза, и возможность работать над своей темой, а там - доктор Мешаев, с которым у них стычки уже двадцать лет подряд. Он написал письмо в академию, а на самом деле причина в том, что племянник Мешаева... это который уехал в Канаду, потому что его племянница...

- Чья племянница? Графа?

- Да Мешаева же! Она защищала кандидатскую, а Графа сделали оппонентом, и что-то у них там вышло... Не из-за племянника, а из-за распределения тем. А отсюда - приглашение... Костя и сказал: «Помирать - так в родном городе...» Тем более что квартиру пообещали размером со стадион, сам видишь. И возможность самостоятельной разработки ведущей темы... А она заявила вдруг, что уезжает в Канаду, потому что...

- Тема заявила?

- Ты дразнишься, да? Племянница Мешаева заявила...

- Вы же сказали: племянник.

- Племянник - сначала. А она - потом, после защиты, а он...

- Лариса Олеговна, я пойду, ладно?

- Ты меня никогда не слушаешь...

– Я потом дослушаю. А сейчас Лорка ждет!

– Я всегда сама не своя, когда ты уходишь из дому один.

– Я же не один! И что со мной тут может случиться? «Хорошо, что она не знает про Квакера!»

– В «Новостях» то и дело сообщают о всяких маньяках.

– Но они же не здесь!

– Здесь тоже! В прошлом году писали про похищенного мальчика... Правда, потом оказалось, что его не похитили, а он уплыл на лодке вниз по течению и путешествовал по окрестностям, но все равно...

«Небось от такой вот словоохотливой бабушки сбежал...»

– Я не уплыву! Откуда у меня лодка?

– Долго не гуляй. Имей в виду: я буду звонить...

– У меня мобильник испустил дух. В нем ни гроша.

– Хорошо, что сказал! Я сейчас пойду в магазин, в «Виолетту», там поставили автомат для оплаты. Правда, он не всегда выдает чеки, потому что быстро кончается бумага, но продавщица Валя (это та, у которой я всегда покупаю свежую вырезку) сказала, что чеки не обязательны, потому что оплата поступает и без них, и я убедилась, что...

– Лариса Олеговна, это хорошо, что без них! Бумага сэкономится! Я побежал!

– Имей в виду, что...

– Буду иметь! Пока!..

Лорка ждала у калитки. Дергала на платице матросский галстучек. Заулыбалась.

- Пойдем. Это недалеко, через мост на Камышинской...

Камышинская, Кольцовская, Чеховская, Тургеневская... Осевшие в траву деревянные дома с резными кокошниками. Блестящие стекла факультетских корпусов над старыми крышами с узорчатыми дымоходами печных труб. Над корпусами – башенки и шпили с кораблями – университетская эмблема. Здешний вуз десять лет назад вторгся в деревянные кварталы, но не осмелился спорить со стариной, а постарался соединиться с ней – притворился, что он тоже из прежних времен. Переплел с причудливостью давнего сибирского городка свои арки, галереи, мансарды, чугунное кружево... А в центре переплетения сияли белизной церковные башни с горящими на солнце крестами...

Солнце жарило, словно старалось извиниться за недавние промозглые дни. Первая половина июня стояла до жути холодная: северный ветер, налетающие дожди и температура не больше плюс десяти. Ваня почти все дни проводил в «бабо-дедовой» квартире. После московского двухкомнатного жилья она казалась похожей на пещеру жюльверновского капитана Немо, где прятался «Наутилус» (вот тебе и «провинция»!). Ваня помер бы от скуки, если бы не книги профессора Евграфова, которые тот «наконец-то, на старости лет, смог расставить без всякой тесноты». Конечно, книги были главным образом научные, но нашелся там и Марк Твен, и Джек Лондон, и даже старые выпуски Жюль Верна. А главным спасением оказался ноутбук, который Лариса Олеговна выпросила для внука у мужа. Впрочем, что значит «выпросила»? Тот и не возражал. Сказал скучновато:

- Пользуйся этим утилем, не жалко. Только имей в виду: там иногда контакты шалят... А к большой машине без меня не суйся: у нее настройки тонкие...

Ваня благодарно кивал. Константин Матвеевич показал, как подсоединять «утиль» к интернетному кабелю.

- Можешь скачивать, если что надо...

- Спасибо... Я много не буду. Я же понимаю, что это дорого...

Профессор Евграфов поднял клочковатые брови. Хмыкнул:

– Что дорого? Это? Не грузись заботами. У меня бесплатная сеть за счет университета... Ты только не трать много времени на «игрушки», как наши лаборанты. Бездарное занятие...

– Да, я не буду!

«Игрушкам» он отдал дань еще в начале четвертого класса, когда мама и приходивший в гости отец наконец установили в комнатке у Вани компьютер и подключили модем. Почти месяц крутил всякие «Охоты за субмаринами», «Звездные навигаторы», «Заповедники драконов». Мама пыталась оттащить его от монитора чуть не за уши. «У меня в конце концов лопнет терпение и я выброшу этот ящик в мусорный бак!» Ванино терпение кончилось раньше. Вдруг пришло понимание, что эти игровые миры – обман. Словно кто-то водит тебя за нос. Как ни ломай голову, сколько ни пробивайся на высшие уровни – все равно это уже предугадано. Только попусту тратишь время.

И он стал тратить время на другое – на путешествия по Интернету просто так, наугад. Набираешь какое-нибудь слово – и пошел... Парусные корабли, Древний Рим, история электричества, загадки подводного мира...

Мама опять страдала и негодовала. Страдала потому, что на это «уходят сумасшедшие деньги». Негодовала потому, что однажды на меню сайта про Жюль Верна увидела снимок полуголой (да чего там «полу...»!) девицы. Та, изогнувшись, заманчиво глядела из-за плеча.

– Какой ужас! Значит, ты это выискиваешь в Интернете?! Я немедленно позвоню отцу!

– Ма-а!!! Да ты что! Я на них и не смотрю вовсе! Даже не обращаю внимания!.. Ну что делать, если они лезут на экран каждую минуту!

– Что делать! Не включать эту гадость, а учить уроки! У тебя две тройки по математике!

– У меня по ней всегда тройки!

– Ты мне порассуждай еще! Мало того что бросил музыку, так еще и превратился в компьютерного маньяка...

Ваня примолк. Спорить со взрослыми бесполезно. Спорить с женщинами (если даже они – мамы) бесполезно вдвойне.

К счастью (для мамы), компьютер забарахлил, и его отдали в ремонт какому-то маминому знакомому. А тот укатил в отпуск на Азорские острова. На месяц! А когда вернулся и починил, Ваня понял, что прежний интерес к Интернету угас. Потому что он, Ваня, записался в хоккейную секцию (вернее, папа записал; недорого устроил – за полтысячи в месяц). Правда, через два месяца Ваню «освободили», деликатно посоветовав поискать другой вид спорта (и не вернув уплаченные вперед деньги), но компьютер уже не тянул к себе, как прежде. Тем более что и правда ведь дорого...

А в Турени Ваня дорвался до бесплатного! Именно здесь он выудил из сети малоизвестный жюль-верновский роман и прочитал с экрана. Роман про остров Гваделупа. На который в августе отправится мама. (Хорошо ей!.. А впрочем, и здесь не так уж плохо. Потому что вот Лорка... Идет сбоку, мурлычет полупознакомый мотив.)

– Ты что за песенку напеваешь? Это у вас какая-то... семейная, да? Любовь Петровна сегодня ее тоже: мур-мур, мур-мур...

– Ага, – согласилась Лорка. – Это ее любимая, с детства... У них в школе был драмкружок, там ставили сказку, «Стальной волосок» называлась. Ну, там чудеса всякие, сундук с волшебной книгой, мальчик и девочка, которые ищут книгу, чтобы спасти кого-то... кажется, еще одну девочку. Она заболела из-за вредной колдуньи. Ну и песенка эта...

– А какие слова? Помнишь?

– Ну... маленько...

– Спой, – попросил Ваня. Сам не знал для чего. Или хотел испытать: насколько доверчиво она относится к нему?

- Ох... зачем?

- Так просто.

- Я же не певица.

- А не надо как певица. Ты как... Лорка.

- Ну... ну вот...

И она пропела тоненько, тихонько, но не сбиваясь:

Ключик-колючик, стальной волосок!

Спрятан сундук в серебристый песок.

Ключ поверни,

Радость верни.

А дальше я не помню... Нет, вот еще:

Тронет пружинку стальной волосок,

Вздрыгнет разбуженный звоном лесок.

Там в лесочке стояла избушка, где жила больная девочка... А в замке? сундука была пружинка. А на конце у ключика была стальная проволочка, будто упругий нерв. Он должен был задеть пружинку, чтобы та проснулась, открыла замок... А замок заржавел колдовской ржавчиной, не открывался. Мальчик старался, старался и уколол стальным волоском руку. Все думали, что он умрет, а он сбросил с пальца капельку крови, та упала на сундук, и он открылся...

- А кто сочинил эту сказку? Андерсен?

Лорка тоненько (так же, как пела) засмеялась.

- Какой Андерсен! Кто-то из ребят в их кружке...

Ваня искоса посмотрел на ее висок с белобрысыми прядками – в них прятались желтые крохотные искорки.

– Лорка...

– Что? – Она глянула чуть испуганно.

– Забавно, да? – Он говорил несмело, но сказать это хотелось.

– Чего забавного-то? Грустная сказка, хоть и хорошо кончается.

– Да не про сказку я... Про нас. Мы только этим утром познакомились. Даже почти днем. А сейчас вот идем рядышком и будто давным-давно знакомы. Ну, по крайней мере, мне так кажется... Тебе-то, наверно, не так...

– Нет, мне тоже так... – без удивления сказала она. – Знаешь, почему? Наверно, потому, что твой дедушка и моя бабушка были знакомы в детские годы.

«При чем тут это?» – чуть не сказал Ваня. Но решил, что лучше согласиться.

– Наверно... А еще мне кажется сегодня, что я бывал в этом городе раньше. Только не помню названий у здешних улиц.

– Вот эта, где мы идем, – Герцена. А до революции называлась Ляминская. Вон там, где начинается Камышинская, раньше было маленькое озеро. Бабушка говорит, что она с мальчишками каталась по нему на плоту. Спихнули на воду кусок тротуара из досок и поехали...

– Жалко, что сейчас его нет. Озера...

– Да... А вон там, на Камышинской, мост через лог, а дальше, совсем уже близко, двор Чикишевых. Трубачи и Никель всегда собираются там, вечно придумывают что-то...

Пока неспешно шагали через мост с чугунными перилами и по переулку над логом, Лорка успела кое-что рассказать про трех друзей. И когда оказались в

заросшем кленами дворе с длинным деревянным домом, навесом и сараем, Ваня с одного взгляда понял, кто есть кто.

2

По крайней мере, ясно было, кто Трубачи, а кто Никель.

Одеждой они не различались. На всех – подвернутые трикотажные штаны с отвисшими коленями и замасленные камуфляжные безрукавки «на голое пузо». И такие же бейсболки. Но двое – коренастые и курносые, а третий... Про таких мамина знакомая, Эльвира Антоновна, говорила: «Этого мальчика хоть в лохмотья обряди, а все равно будет казаться, что на шее – концертная бабочка». Вообще-то она так про Ваню говорила, но тот слова эти по отношению к себе с возмущением отметал, а сейчас, глянув на третьего мальчишку, вспомнил их сразу...

Мальчишки возились с кривой самодельной пушкой на тележных колесах и не оглянулись на вошедших. Но один из Трубачей (он что-то приколачивал к колесу), не разгибаясь, продекламировал:

– Вот и Лорка пришла...

– И кого-то привела... – закончил другой.

Это было без насмешки, обрадованно даже.

А Никель ничего не сказал, только распрямился. Тонкий, остролицый, большеглазый, с темным крылышком волос под козырьком.

– Я привела Ваню, – бесхитростно сообщила Лорка. – Он приехал на каникулы из Москвы.

– Понятно, – кивнул Трубач с пятном известки на скуле. – Понятно, почему Лорочка не заглядывала к нам целую неделю. Показывала гостю город Турень... – Теперь это уже с легкой подначкой.

- А вот и нет, Феденька. Мы познакомились только сегодня.
- А где пропадала? – спросил другой Трубач (следовательно – Андрюшка).
- Родители дома держали. У нас был ремонт и генеральная уборка перед отъездом на дачу, я помогала. Даже к бабушке редко забегала.
- Бедняжка! – посочувствовал Андрюшка.
- А вот и нет. Я за свою работу получила увольнение от дачи. Мама с папой уедут, а я останусь с бабушкой...
- Все нормальные дети стремятся на дачу, – сказал Федя. – А наша Лорочка...
- Вы ведь тоже не на даче, – заметила она.
- Разве же мы нормальные? – отозвался Андрюшка. – У нас тут всякие сумасшедшие дела.
- С пушкой? – улыбнулась Лорка.
- И с ней тоже, – кивнул Федя. – Слышала, как она сегодня бабахнула?
- Конечно! И главное, что вовремя бабахнула. – Лорка стала серьезной.
- Еще бы! – согласился Федя чуть хвастливо. – В полдень из секундочки в секундочку.
- Не в том дело, что в секундочку, – обстоятельно разъяснила Лорка. – А в том, что нас тогда поймал у лога Квакер. С двумя с какими-то... Я их даже не знаю. У него с Ваней счеты. Но услышал выстрел и попятился. Все-таки помнит еще закон...

Трубачи и Никель теперь смотрели на Ваню с одинаковым интересом.

– А что за счета у Квакера с московским гостем Ваней? – спросил Федя. Без ухмылки и вроде бы даже озабоченно.

Лорка ответила тем же тоном:

– Московский гость Ваня вляпал Квакеру по шее раздавленным помидором. За то, что этот Квакер зацепил мою бабушку велосипедом, порвал ее сумку с помидорами. Да еще хихикал...

Трубачи посмотрели друг на друга и на Никеля. Потом все трое – на Ваню.

Федя посочувствовал:

– Ваня – герой! Но теперь у него будут каникулы, полные приключений...

– Но не сегодня же... – заметила Лорка. – А Ваня, когда услышал выстрел и узнал про пушку, захотел с вами познакомиться.

Тогда подал голос Никита Кельников. До сих пор он молчал, стоял прямой такой, с чуть вытянутой шеей, и смотрел словно бы издалека. А тут вдруг улыбнулся, посветлел глазами, шагнул через пушечное колесо.

– Ну, давайте тогда знакомиться... – Голос его оказался неожиданно высоким и ясным. – Ты Ваня, а я Никита. Или Никель...

Он протянул руку. И Ваня взял его узкую ладошку.

– Я, значит, Федя... – И протянулась к Ване еще одна рука.

– А я – Андрюшка...

– Или можно «Дрюша», – уточнил Федя.

– Ага, можно, – согласился Чикишев, приоткрыв в улыбке сломанный зуб.

Ваня почувствовал, как рушится прозрачная стенка. До сих пор он был отдельно от них – как бы за незаметным, но осязаемым стеклом. И даже Лорка в эти минуты была отдельно. А теперь стекло, еле слышно звякнув, рассыпалось, и стали они вместе.

– Ты где живешь? – спросил Федя, подтягивая обвисающие штаны.

Ваня слегка замялся. Говорить, что обитает в элитном профессорском доме, было почему-то неловко.

И Лорка это вмиг учуяла.

– Между Перекопской и Красина, – небрежно сказала она. – Дом с зеленой крышей и башенкой. Знаете?

– Ого! – с пониманием сказал Федя.

И больше никто ни о чем спрашивать не стал. А Дрюша посоветовал по-приятельски:

– Когда будешь к нам ходить, ты не шагай прямо на Камышинскую, к тому мосту, там можно легко напороться на Квакера. Ты лучше иди малость в обход, вниз по Перекопской, там тоже мост. Перейдешь его, а потом налево, вдоль лога. Прямо здесь и окажешься. К нам Квакер не заглядывает, у него своя компания... – И почему-то все, даже серьезный Никель, коротко посмеялись.

И Ваня понял, что ему хорошо здесь. Хорошо в просторном дворе с кленовой тенью, среди ребят, которых увидел лишь несколько минут назад. И чтобы не упустить ощущение этого «хорошо», надо было завязать какую-то беседу. Все равно о чем. И Ваня спросил про пушку:

– А почему колеса у нее такие? Одинаковых не нашлось, да? Конечно, телеги сейчас редкость...

Колеса были деревянные, от телеги, которую в прежние времена таскала старательная лошадка. Похоже, что одно – заднее, а другое – переднее. Поэтому разного диаметра.

– Дело не в том, что редкость. Просто это традиция, – объяснил Никель. – Катать ее сложновато, виляет, но зато память о прошлом...

– Да, – солидно подтвердил Федя. – Колеса-то можно всякие найти: в логу на свалках что хочешь отыщется. Но лафет у этой гаубицы смастерили в давние времена, не хочется менять старину... Ствол-то заменяли не раз, а колеса... Даже никто не знает, с какой они поры. – И он погладил большое колесо.

Ваня тоже погладил – то, что поменьше. А потом и ствол.

Это была труба длиной около метра, а «калибром» сантиметров десять. С толстыми стенками. Она крепилась проволокой к двум брускам, которые лежали на колесной оси. С тыльной стороны в трубе сидела плотная деревянная заглушка, укрепленная коваными шкворнями. Пахло от трубы теплым железом, ржавчиной и сгоревшей взрывчаткой.

– А чем стреляете? – деловито спросил Ваня. Я, мол, вроде бы тоже смыслю в этих делах.

– Петардами, – разъяснил Андрюшка. – Китайскими. Их к Новому году продают, у нас запас... Вот сюда, в запальное отверстие, пропускают длинную проволоку, привязывают к ней фитиль петарды и вытягивают его наружу. Зажигай фитиль да отскакивай в сторонку...

– В старые времена, когда петард не продавали, было труднее, – стал рассказывать Федя. – Приходилось делать гремучую смесь или добывать порох. У отцов, которые охотники. А какому отцу это понравится...

«Да уж...» – подумал Ваня.

– Но это было давно, – вмешался Никель (и Ваня опять удивился ясности его голоса). – Даже Степа Плотников, который передал Феде и Андрюше пушку по наследству, сам порохом не стрелял, а знает это от других...

– Как это – по наследству? – опять проявил интерес Ваня.

– Щас расскажем, – пообещал Федя. – Да ты садись...

Он толкнул ногой к Ване березовый кругляк, валявшийся в лебеде. Ваня ловко поставил его торчком и сел. Прикрыл ладонями колени, потому что их сразу начало жарить солнце – отвесными лучами. Мальчишки тоже уселись – кто в траву, кто на пушку, а Лорке подкатили такой же, как у Вани, кругляк. Она села с Ваней рядышком.

Мальчишки рассказали про то, что Ваня уже слышал от Лорки. Про обычай давать полуденный выстрел на берегу лога двадцать второго июня. И про то, что после выстрела наступает до заката время общего перемирия...

– И это во всем городе? – с осторожным недоверием спросил Ваня.

– Ну, не во всем, конечно, – объяснил Андрюшка. – Город-то о-го-го какой, хотя и не Москва. Главная улица – шестнадцать километров... А обычай с пушкой – он в здешних кварталах, в старых, где раньше стояла крепость. Малое городище и Большое городище... Здесь самые старожилы, бабки-прабабки, деды-пра деды. От них все и передается...

Ваня вдруг ощутил некоторую неуютность – от того, что он не здешний старожил. И чтобы прогнать ее, спросил:

– А почему именно в такой день надо стрелять? Потому что самый длинный? Или потому, что в сорок первом году началась в этот день война?

– Мы сперва тоже думали, что из-за войны, – кивнул Федя. – Но Степа – это наш сосед, он в том году уехал в авиационный институт, в Москву, – он рассказал, что это началось еще раньше. Будто бы у тех пацанов, которые тут жили во время боев между белыми и красными...

– Но это не из-за боев, а из-за каких-то корабельных плаваний... Будто бы на одном корабле был такой обычай: отмечать летнее солнцестояние... – добавил Андрюшка.

С прежней осторожностью новичка Ваня спросил:

– А при чем тут корабли? Разве они были в Турени? Море-то далеко...

– От Москвы море тоже далеко, – напомнил Андрюшка. – А про нее говорят, что порт пяти морей...

– Да, верно, – смутился Ваня. – А здесь... скольких морей?

– Здесь выход в Ледовитый океан. Через разные реки, – подал голос Никель. Он лежал животом в траве, в узкой тени от нависающей крыши сарая, и опирался на локти. – Поэтому здесь всегда были корабли. Чуть ли не самое первое в России пароходство. Судостроение. Пароходы для всех сибирских рек. И даже парусные суда. Некоторые ходили в Европу... Вот, говорят, на одной из таких шхун и появился этот обычай – полуденный выстрел... Но, может быть, и не там... Ваня, ты видел городской герб? В центре, на здании, где вся городская власть...

Ваня смущенно признался, что здание, кажется, видел, а на герб не обратил внимания. И подумал, что сейчас ему скажут: «Эх ты...»

Не сказали. Никель объяснил:

– На гербе тоже корабль. С мачтой. Вроде тех стругов, на которых пришли сюда ермаковские казаки... В общем, тут многое говорит о плаваниях. И на берегу, у монастырской стены, во-от такой якорь! Как где-нибудь в Севастополе...

Федя сказал чуть ворчливо:

– Ты, Лорка, познакомилась с человеком, а про город ничего толком не рассказала...

– Умник ты, Феденька. Мы познакомились четыре... четыре с половиной часа назад. – Она глянула на крохотные электронные часики. – За полчаса до выстрела. Было время для экскурсий, да? Сперва Квакер, потом бабушки: «Дети, обедать!..»

«С ума сойти! – отозвалось в Ване все «пространство-время». – Всего четыре часа с небольшим! А кажется – неделя прошла!»

А Лорка добавила:

– И вообще... лучше пусть Никель рассказывает: он знает все на свете. А если чего не знает, узнаёт за пять минут...

– Чего это я узнаю??. Федерико Гарсия... – отозвался Никель. Уже не ясным своим голосом, а бубняще и досадливо.

Но Лорка не смутилась.

– Не скромничай. Ты в больнице был, когда Федя с Андрюшкой это орудие получили, а разобрался лучше них, когда вернулся. Как длину фитиля правильно рассчитывать и как новую затычку сзади сделать...

«Похоже, что она в курсе всех дел», – мелькнуло у Вани.

А Лорке, кажется, нравилось поддразнивать Никеля и видеть, как он смущается.

– Ваня, про него даже по школьному радио говорили. Какой Никита Кельников э-ру-ди-ро-ван-ный...

– Сейчас кому-то оторвут косы! – угрюмо пообещал интеллигентный и воспитанный Никель. И приподнялся на локтях.

– Ай! – Лорка спиной назад кувыркнулась в лебеду, вскинув тощие ноги в плетенках. – Ну я же правду говорю! Ты даже Марину Рашидовну переспорил!.. Мальчишки, ну Ване же интересно!

– Мне правда интересно, – вступился за Лорку Ваня. – Марина Рашидовна – это кто? Учительница?

– Естественно... – вздохнул Никель.

– Я ни разу в жизни не мог переспорить ни одну учительницу, – признался Ваня. – Несколько раз пробовал, а результат один: «Завтра приведешь маму!»

– У Никеля по-другому, – объяснил Андрюшка. – У них с Мариной был научный спор. Про французов...

– Как это? – Ваня взглянул на Никеля. Не хотелось ему, чтобы Никель огорчился из-за Лорки. Если даже полушутя – все равно не надо. И Никель, чуткая натура, уловил настроение гостя. Повозился и стал говорить своим прежним голосом:

– Да ну... такая история... про историю...

З

– Марина у нас в пятом классе начала преподавать этот предмет, – сказал Никель. – Вся решительная такая, ее боялись даже. Марширует по классу, указка у нее – как шпага... Но интересно рассказывала. Про Древний мир... Но главная любимая тема у нее была не про Древнюю Грецию и не про Рим, а про Французскую революцию. Вот она поговорит про троянцев, а потом незаметно перескакивает на восемнадцатый век. Марат, Робеспьер, «Марсельеза»... А мы с Толиком Казанцевым дуемся в «морской бой». На расстоянии, через две парты. Я ему на пальцах стал показывать координаты, а Марина заметила.

«Кельников, можно узнать, что означает твоя азбука для глухонемых?»

Я говорю:

«Извините, но это тайна».

Она:

«То есть всякие твои глупые тайны важнее урока?»

Я обиделся: не знает, а говорит, что глупые! И в ответ ей:

«Но сейчас ведь не урок. Вы не по программе рассказываете...»

Вмешался Федя:

- Маринушка аж позеленела... Думала, наверно, за шиворот - и за порог! Но потом вспомнила: «Мальчик недавно из больницы...»

- Да не думала она, чтобы за шиворот, - возразил Никель. - Она все же не такая... Но разозлилась, конечно...

«Пусть не по программе, - говорит, - но идеи Великой французской революции, Свобода, Равенство и Братство, не заслуживают такого циничного равнодушия...»

А я в больнице, уже после операции, прочитал книжку «Комиссар Конвента». Мне там одна девочка ее дала... Как раз про те французские дела. Вот я и говорю Марине:

«Все эти идеи - сплошное вранье. То есть неправда, извините, пожалуйста...»

- Вот тут она и правда позеленела, - вставил Андрюшка.

- Ну, ее можно понять... - вздохнул Никель. - Только на меня тогда нашло что-то такое... неуступательное...

Она говорит с таким железным звоном:

«Может быть, ты, Кельников, аргументируешь свои слова?»

А я ей:

«Там нечего аргументировать. Не было у них никакой свободы и братства. Только равенство. Потому что перед гильотиной все равны. Сперва раскрутили свою революцию, а потом друг дружке поотрубили головы...»

- Там еще про Наполеона у вас было... - напомнил Федя.

- Да... Она говорит:

«Но нельзя отрицать значение этой революции для Франции. Они чтут ее до сих пор. И поют „Марсельезу“. Идеи революции вдохновляли Наполеона...»

Тут я разозлился не меньше Марины. Из-за Наполеона. Смешная причина, а разозлился сильно...

– А почему смешная? – сказал Ваня. – Нисколько.

– Да ты не знаешь. Дело не в истории, а в торте. Родители ждали в гости одну знакомую, купили торт «наполеон». Открыли, чтобы посмотреть. В кухне тесно, они положили его на табурет. На круглый. И торт круглый, не заметишь сразу. Я зашел и сел с размаху. В новых брюках, кстати... Маме с папой торт жалко, брюки мои жалко, да и меня тоже, хотя не так сильно... Я, когда спорил с Мариной, вспомнил про это, и сзади будто опять сыро стало... В таких случаях еще больше тянет на спор.

Я говорю:

«По-вашему, их величество Наполеон Буонапарте тоже революционер?»

А она:

«Нет, но нельзя отрицать, что он гордость Франции».

Я думаю про торт и говорю:

«Ну, пусть они там у себя и гордятся им. А я не хочу. Потому что... сказал бы, кто он, но это будет... неучтиво. И вы сразу вызовете родителей».

«Считай, что ты уже сказал, – говорит она. – Вызывать я никого не буду: каждый имеет право на свою точку зрения. Но я считаю, что хотя Наполеон и враг России, но знамена его были овеяны ветром революции».

«Ага, – говорю я. – Особенно на Антильских островах».

Она очень удивилась:

«При чем тут Антильские острова? Наполеон никогда на них не был!»

«Правильно, не был. Но он приказал восстановить там рабство, которое отменили при республике. И послал туда эскадру ле Клерка. Крови стало больше, чем воды...»

Она молчит, смотрит непонятно. Может, думаю, они и не учили про это на своем историческом факультете? Я-то ведь тоже прочитал об этом случайно... Тут она вдруг как-то переменялась.

«Любопытная точка зрения, – говорит. – А не мог бы ты, Кельников, написать на эту тему реферат? И зачитать на школьном историческом обществе? Если он будет удачным, получишь самую высшую оценку».

«Ага! Или двойку, если вы будете не согласны...» – Я это ляпнул, и получилось, что дал согласие. Хотя вовсе не хотелось!

А она:

«За кого ты меня принимаешь! Я умею уважать чужое мнение... А двойки не будет ни при каком итоге, обещаю».

Ну и куда деваться-то? Да и работа пустяковая. Надергал кое-что из Интернета, вспомнил, что читал в книжке...

– И про торт! – хихикнула Лорка. Она опять сидела на чурбаке и безуспешно пыталась прикрыть подолом от солнца коленки.

– И про торт, – согласился Никель. – Пока сочинял, казалось все время, что сижу на нем. Потому и закончил за один вечер... Про все написал. И про комиссара Викто?ра Юга. Знаете, какой гад! Сперва кричал, что всей душой за свободу, освобождал негров, а потом этих же негров – обратно в рабство! И не жалел никого. На одной только Гваделупе – десять тысяч отрубленных голов...

– Где? – слабым голосом переспросил Ваня. Как-то ёкнуло внутри...

– На Гваделупе, – сказал Федя. – Это небольшой такой остров в Антильском архипелаге. Про него мало кто знает...

– Почему мало кто? Многие знают, – заспорил Андрюшка. – Даже песня есть такая – «Гваделупа». У Городницкого. Там такие слова:

На палубе ночной постой и помолчи.

Мечтать под сорок лет по меньшей мере глупо.

Над темною водой огни горят в ночи,

Там встретит поутру нас остров Гваделупа.

Недавно по радио передавали...

– Песня-то известная. А про остров кто что знает? Никто, наверно, кроме Никеля, – возразил Федя.

– А я тоже ничего не знаю, что там делается нынче, – сообщил Никель. – Говорят, курортное место. Не очень знаменитое... Океан, пляжи, водопады... А история, она сейчас вроде бы и не нужна.

– Да, подумаешь, десять тысяч голов, – ровным голосом сказал Андрюшка.

– А что с рефератом-то? – спросил Ваня, чтобы успокоить в себе тревожную струнку. – Чем все кончилось?

– Ну чем... Пятерку она поставила, а потом начались весенние каникулы.

Федя вдруг сказал:

– Есть еще одна песня про Гваделупу. Не Городницкого. Ее Степа Плотников иногда под гитару пел вместе с Аликом Ретвизовым, своим другом. Я первые строчки помню.

Есть на свете остров Гваделупа,

Есть на нем соленая река.

Там на берегу стоит халупа

Старого, как мамонт, рыбака.

- Ага! - оживился Андрюшка. - А еще так:

Есть у деда маленькая внучка,

Очень непонятная она.

На песке рисует закорючки,

Чтобы сразу смыла их волна.

- И вот про такое... - вспомнила Лорка.

Остров - он на бабочку похожий,

Если в море поглядеть со звезд.

А дальше не помню, я один раз только слышала. Непонятная такая песня и печальная... Что, мол, будет с девочкой, если бабочка сложит крылья. Наверно, девочка про это и пишет на песке...

- Может быть, - очень серьезно согласился Никель. - А остров и правда похож на бабочку, я смотрел на карте... - И вдруг: - Ваня, а ты чего?

- Чего? - вздрогнул Ваня.

- Сделался какой-то не такой...

В любом другом месте - дома, в классе, в компании на улице, где угодно - он сказал бы: «Нет, все в порядке». Но здесь... даже капелькой неправды не хотелось портить нынешнюю ясность отношений. А еще... может быть, признание уберет тревогу (глупую такую, непонятную!).

– У меня дурацкий характер, – откинув голову и щурясь на солнце, признался Ваня. – Не люблю, когда всякие совпадения...

– Какие? – быстро спросил Никель. Он сразу почуял что-то.

– Ну, как сегодня... – выговорил Ваня. – Гваделупа эта. Уже который раз. Сперва вспомнил книжку Жюль Верна, там про этот остров. Потом... про маму. У нее турпоездка за океан, на разные острова, в том числе и на Гваделупу... А сейчас вот снова... И про остров, и песни эти. И как заноза...

Его не стали убеждать, что все это ерунда и нет никакой причины для тревоги.

Лорка сказала:

– Я знаю, так бывает. Вроде все хорошо, а внутри что-то грызет. Из-за какого-то случайного слова или картинки в голове... Тут одно только лекарство: противовес.

– Какой... противовес? – жалобно сказал Ваня. Но от одних только Лоркиных слов стало спокойнее.

А она продолжала:

– Надо придумать что-нибудь связанное с этой причиной, только наоборот. Чтобы переделать ее... в другую сторону...

– Чегой-то непонятно, – вставил Федя.

– Очень даже понятно, – возразил Никель.

– Не мешайте, сейчас Лорка объяснит, – сказал Андрюшка.

И Лорка объяснила:

– Если, например, привязалась печальная музыка, я ее не пытаюсь прогнать. Все равно вернется. Я стараюсь этот же мотив превратить в танец. Или в марш. И

ты... представь что-то хорошее про Гваделупу.

- Что? – неловко сказал Ваня. Мол, и рад бы, но как?

А Никель вдруг быстро сел в траве.

- Сейчас будет танец и марш...

- С чего ты взял? – удивился Федя.

А остальные удивились молча.

- Не знаю... Чувствую... – объяснил Никель. – Подождите...

Стали ждать и ждали недолго. С крыши, которая козырьком нависала над Никелем, донесся бодрый вопль:

- Эй! Ловите меня!

Блик на звездном глобусе

1

На высоте двух метров стоял пацаненок лет восьми. Округлый такой, с коротенькой стрижкой медного цвета (вроде как у Квакера) и коричневыми глазами-пуговицами. В трусиках, похожих на мятую набедренную повязку из рыжего трикотажа, и в такой же рыжей майке – очень широкой и очень короткой. Между майкой и «повязкой» во весь размер открывался выпуклый животик, середину которого украшал аккуратный, как дверной глазок, пуп. На загорелых коленях белели квадратики пластыря. На лбу – тоже...

- Явление с небес... - проговорил с удовольствием Никель и подвинулся в траве. - Ты как там оказался?

- Я шел по Кольцовскому переулку, а в нем гуси. Я тогда пошел через двор бабки Решеткиной, а в нем еще одни гуси, - обстоятельно разъяснило «явление». - С их подлым фюрером Горынычем... Я тогда - на поленницу, потом на одну крышу, на другую, а потом сюда... Вот... Вы будете ловить меня, й-ёлки-палки, или я так и должен торчать на солнечной раскаленности?

- Подумаешь, раскаленность, - сказала Лорка, - тридцати градусов нет... А прыгнуть-то боишься, да?

- Конечно, боюсь. Я могу хоть с какой высоты прыгать в воду, а на землю мне опасно. У меня повышенная плотность массы, - сообщил пацаненок.

- Это Тростик, - шепотом сказала Ване Лорка.

- Как? - не понял тот.

- Тро-стик. Имя такое.

- Неподходящее, - шепнул Ваня. - Тростик должен быть, как тростинка.

- А его так зовут «от наоборот». И к тому же полное имя - Трофим...

Федя, Андрюшка и Никель тем временем встали под краем крыши - ловить «повышенную плотность». Вытянули руки. Но Федя вдруг сказал:

- Никель, ты это...

- Ну чего! - тонко возмутился Никель. - Я же не стеклянный!

- Ну, Никель... - проговорил и Андрюшка. Мягко так и... неумолимо.

- Зануды какие! - буркнул Никель, но послушался: отошел назад.

А Ваня наконец сообразил: прыгнул к сараю, встал рядом с Андрюшкой, тоже поднял растопыренные ладони.

«Плотность массы» у Тростика и правда была изрядная. Тем более что он сиганул с крыши не прямо, а с прискоком – сперва вверх, а потом уже в руки «спасателей». Те охнули и присели. Поставили Тростика, и Федя хлопнул его по голой пояснице:

– Акробат, «й-ёлки-па лки»! Чуть не раздавил...

Андрюшка спросил:

– Ты почему один, без Лики? Небывалая картина...

– Потому и один, что ищу ее, – сообщил Тростик. И на каждого посмотрел круглыми блестящими глазами. – Она пошла куда-то со своей мамой, а мне сказала, чтобы потом я пришел туда, где она будет на этюдах. И сама не знала где. И дала карточку для автомата, чтобы я позвонил. Автомат карточку, разумеется, сжевал. Вот я и пошел наугад... У вас ее не было?

– Давно уж не было... У нас какие этюды – все сто раз зарисовано... – сказал Федя.

Ваня встретился глазами с Никелем, и тот объяснил:

– Ли́ка Сазонова – это юный гений. Пикассо в юбке...

– Хотя в общем-то чаще в штанах, – уточнил Андрюшка.

– Я в переносном смысле, – сказал Никель. Довольно сухо. Видимо, намекал: «Я обиделся, что не дали ловить Тростика».

Федя и Андрюшка обиду «не заметили».

Андрюшка сказал Тростику:

- Можешь ведь позвонить сейчас... Ребята, у кого мобильник с собой?

- У меня! - поспешно сообщил Ваня. - Ой, надо только посмотреть: заправила ли его ба... Лариса Олеговна. А то было по нулям...

Оказалось, что Лариса Олеговна успела перевести через автомат двести рублей. В самом деле - не оставлять же внука без «поводка»!

Ваня повернулся к Тростику:

- Говори номер, я наберу. Или хочешь сам?

- Лучше ты, у меня мало опыта... А ты кто?

- Это Ваня, - сообщила Лорка. - Он приехал из Москвы на каникулы.

- Привет, - снисходительно отозвался Тростик. - А я Трофим... Я бывал в Москве, только плохо ее помню. Мне было два года...

- Побываешь еще, - утешил Ваня. - Тогда приходи в гости... А какой номер-то?

- Ладно, приду... Нажимай... Восемь, девятьсот шестнадцать, шестьсот десять... - Он говорил четко и без запинки. Видать, помнил номер назубок...

Ваня нажал последнюю кнопку, дождался гудка и протянул Тростику трубку. Тот притиснул ее к уху, свел маленькие рыжеватые брови. Облизал губы. И вдруг заговорил, слегка захлебываясь:

- Ну конечно я, а кто же, по-твоему! Дала какую-то дохлую карточку, а теперь «куда ты пропал»!

Звук в трубке был громкий, слова собеседницы Тростика слышали все.

- Сейчас-то откуда ты звонишь, несчастье мое?

– Сама несчастье! Я звоню со двора Чикишевых. Здесь Трубачи, и Никель, и Лорка... Они все удивляются, почему ты куда-то провалилась. А еще Ваня из Москвы. Это он дал мне телефон. А то я не знал, что делать. Измотался весь, пока скакал по крышам...

– Силы небесные! Чего тебя на крыши-то понесло?!

– Не ясно, что ли? На земле гуси!

– И не стыдно? – услышали все. – До сих пор боишься паршивых гусаков, как детсадовский младенец.

– Да! – ничуть не устыдился Тростик. – Знаешь, как цапают! В прошлый раз Горыныч мне вон какую отметину сделал!

Тростик извернулся и показал всем сзади, под коленом, лиловый след гусяного щипка. Лица видеть синяк, разумеется, не могла, но, судя по всему, знала о нем раньше.

– Дал бы этому Горынычу пинка!

– Ну, ты окончательно несообразительная! – возмутился Тростик. – Разве гуси реагируют на пинки? Они боятся только палок! Я, конечно, могу врезать по Горынычу дрыном, но вдруг снесу ему башку? Или перебью шею? Бабка Решеткина помрет с горя. И Горыныча все-таки жалко. Он дурак, но живой же все-таки...

– Ты гуманист, – сообщила издалека Лица.

– А чего ты обзываешься!

– Это не обзывание, а наоборот... Не обижайся, Тростиночка...

Тростик подумал и сообщил:

– Я все-таки обиделся... А куда приходить-то?

– Никуда. Я сама к вам приду. Я недалеко... А чтобы не обижался, принесу подарок.

Обида Тростика испарилась.

– А какой?!

– Какой-какой... С корабликом, конечно. Принесу – увидишь... Жди, я скоро. – И в трубке запикало.

Тростик протянул ее Ване.

– Большое спасибо.

– На здоровье, – серьезно сказал Ваня.

И вдруг почувствовал, что ему хочется пройтись пятерней по щетинистой стрижке Тростика. Но тот, конечно, рассердился бы: не младенец ведь... Тростик, извернувшись опять, разглядывал гусиный щипок и тер его помусоленным пальцем.

– У Тростика морская коллекция, – объяснила Лорка. – Он собирает все, что связано с морем. Открытки, пуговицы с якорями, ракушки, кораблики...

– У меня кусочек фрегата «Паллада» есть! – сообщил Тростик. – Поднятый из-под воды. Мне подарил сосед, дядя Толя, он раньше на Дальнем Востоке был рыбаком. Он хороший сосед, только пьет часто... Мама поэтому не стала выходить за него...

Откровенность Тростика встретила молчаливое понимание. А он добавил:

– Лика сказала, что правильно...

Ваня пошарил в кармане штанов. Когда они с Ларисой Олеговной покупали этот костюм, продавщица подарила Ване рекламную карточку швейной фирмы «Капитан Грант». На карточке был синий земной шар и корабли с пузатыми парусами. Все это имело отношение к Жюлю Верну, и Ваня с удовольствием

сунул карточку в карман. Так и ходил с ней... А теперь вытащил.

– Смотри. Хочешь такую?

– У-у-у!.. – Тростик весь прямо засветился. – А ты... тебе не жалко?

– Немножко жалко, – сказал Ваня, чтобы добавить ценности подарку. – Но это ничего. Тебе нужнее.

Тростик не стал отказываться. Взял карточку на ладонь, бормотнул «спасибо» и уперся в нее коричневыми глазами-пуговицами.

Ваня придвинулся к Лорке, шепнул:

– А Лика, она кто? Его сестра?

– Нет... но почти. Она его отыскала в прошлом году... Я потом расскажу.

2

История знакомства Лики и Тростика выглядит так.

Началось с того, что год назад Анжелика Сазонова поспорила с учителем рисования – из-за отраженного солнечного луча на звездном глобусе.

Глобус был блестящий, лимонный, размером с маленький арбуз. Расчерченный тонкой градусной сеткой, усыпанный черными веснушками звездных отметин и мелкими надписями (Лика специально подходила вплотную, чтобы разглядеть). Его оплетали никелированные кольца и дуги. А держался этот симпатичный шарик на лакированной подставке с четырьмя точеными столбиками.

Герман Ильич поведал шестиклассникам, что глобус был подарен ему в давние времена дядюшкой, штурманом дальнего плавания.

- В ту пору он был заключен в обшарпанный деревянный ящик...

- Дядюшка? - сказал Тимофей Бруклин.

- Глобус, - оч-чень терпеливо уточнил Ильич. - Мне ящик не понравился, и я смастерил вот эту подставку. Сам вытачивал в школьной мастерской ножки на токарном станке...

- Вы умеете? - простодушно удивилась Иринка Иванова (она нравилась Лике, потому что всегда говорила, что думала).

- Естественно. Художник с детских лет должен владеть не только кистью и карандашом...

Герман Ильич был не просто учитель рисования, а именно художник. И в душе, и снаружи. Его крупную, плотно посаженную на плечи голову окутывала курчавая, очень светлая (почти седая) шевелюра. На орлином носу косо сидели (и часто срывались) старомодные очки. Маленькие черные глаза всегда блестели - видимо, от вдохновения. Вместо пиджака Ильич носил широкую, как колокол, вельветовую куртку. Его движения были порывистыми, характер - неровным. Впрочем, во всех случаях жизни Германа Ильича не покидала учтивость. К ученикам он обращался на «вы».

- Выглядит как старинный! - похвалил глобус Иринкин брат-близнец Стасик. - Будто с «Санты-Мари».

- Нет, это, разумеется, не древность. Такие глобусы есть на судах и сейчас. Хотя, скорей всего, просто по традиции. В нынешний век спутниковой навигации это уже анахронизм...

- Чего-чего? - переспросил Тимофей Бруклин.

- Повторяю для... любителей простоты: устаревший прибор.

Герман Ильич предложил «уважаемым коллегам» изобразить глобус в своих альбомах. С натуры.

- Удачные работы могут положительно сказаться на ваших годовых оценках.

Большинству эти оценки были по фигу. Поставят «зачет» - ну и ладно. Однако почему бы и не порисовать такую интересную штуку? Тем более что можно во время урока и языком почесать, и даже анекдоты порассказывать (иногда такие, за которые пацанам доставалось от одноклассниц учебником по темени).

Ильич не требовал тишины: он был демократичен. Кстати, выглядел он старше своих лет, а было ему немногим за тридцать. Лика считала, что прозвище Ильич ему совсем не подходит. Но что поделаешь - прилипло...

Закончить рисунки, конечно, никто не успел.

- Дорисуете дома и принесете на следующий урок. Кстати, последний в этом учебном году, с чем поздравляю заранее. И надеюсь на вашу сознательность...

Шестой «В» шумно распихал мятые альбомы по рюкзакам: радостный май цвел за окнами, все рвались на улицу. Насчет сознательности Ильич это зря. Большинство и не вспомнит про задание, а на последнем уроке каждый что-нибудь наврет о потерянных красках, забытом альбоме или нехватке времени...

Лика, однако, дома закончила рисунок. Потому что глобус ей нравился. Она подождала, когда высохнет желтая акварель, белой гуашью мазнула на ней блик, а тушью раскидала черные звездочки и линиями-ниточками небрежно наметила градусную сетку. Решила, что Ильичу понравится...

Герман Ильич на последнем уроке и правда одобрил ее работу. Но...

- Должен, однако, заметить, сударыня, что вы проявили некоторую небрежность. Мастера акварели добиваются бликов на предметах тем, что оставляют частичку незакрашенной, белой бумаги. Вы же решили, как проще, и прибегли к гуаши. Поленились...

Лика буркнула, что она не мастер акварели, и добавила: «Подумаешь!»
Поскольку Ильич оказался прав.

- А кроме того, здесь налицо досадная ошибка...

– Какая? – взвинченно сказала Лика. Потому что кто же любит критику.

– Повторяю: досадная. Смотрите... – Он поднял рисунок к плечу. – Тени от ножек у вас протянулись вправо, а...

– Сазонова, встань, – попросил Тимофей Бруклин. – Где у тебя тени от ножек?

– Тени от ножек глобуса, Бр-руклин, – изобразил героическую сдержанность Ильич. – Они направлены вправо. Следовательно, источник света, в данном случае окно, расположен слева. Как оно и было в действительности. И вам, коллега, следовало свой гуашевый блик нанести с левой стороны шара.

Лика откинулась к спинке стула (Ильич позволял беседовать с ним не вставая). Она теперь знала, как возразить.

– Вы забыли, Герман Ильич, что в тот раз лучи падали на дверь, и она их отбрасывала (смотрите, какая блестящая). Их отражение на глобусе и блестит.

– Гм... Но отражение окна в данном случае все равно должно иметь место. Это во-первых. А во-вторых, зрителю, который станет рассматривать рисунок, неизвестно, что где-то поблизости наличествует блестящая дверь. И он будет иметь право на недоумение...

– По-моему, вы просто придираетесь!

– Вот как? В вашем утверждении нет логики. С какой стати мне к вам придираться?

– Не знаю. Может быть, от плохого настроения, – заявила Лика.

В классе хихикнули.

Ильич поймал упавшие с «клюва» очки, почесал ими заросший белыми кудрями висок. Спросил безукоризненно светским тоном:

– Не кажется ли вам, сударыня, что вы начали слегка хамить?

Лику казалось. И хамила она сознательно. Потому что Ильич сладковатостью манер и неожиданно плавным поворотом головы вдруг напомнил ей Феодосия Капканова. И она сказала, что если считать хамством правдивые слова, то конечно...

Ильич бросил на стол рисунок, уронил очки и скрестил руки.

– Я заметил, Сазонова, что с недавних пор, когда вы странным образом изменили свою внешность, ваши манеры подверглись изменению тоже. Не в лучшую сторону...

Вот это он зря. Не следует сыпать соль на порезы души. В ней сразу шевельнулись твердые, похожие на стеклянные шарики, слезинки. Лику сердитым глотком загнала их в самую глубину. И поняла, что Ильич стал похож на Капканова еще больше.

Феодосий Капканов, как известно, знаменитый певец. Выражаясь по-современному, поп-звезда, но Лику терпеть не могла это выражение. Для нее он был «гений волшебных струн» (мысленно, конечно, не вслух). Лику никоим образом не трогало то, что по Феодосию сохнут и млеют миллионы других девиц. «Мой рыцарь», – тайно говорила она, когда на экране Капканов летящим прыжком выскакивал под свет прожекторов. Он плавно взмахивал волосами, локоны взлетали и мягко падали. Так же взлетало и падало Лику сердце. Феодосий, изогнув талию, ударял по струнам, и Ликуина душа отзывалась томительным аккордом.

Ты одна у меня, ты одна, –

пел Феодосий ей, Лику. –

Ты живи, ты не у-ми-рай!

Я тебя с глубокого дна

Унесу в свой ласковый рай...

Ты одна,

Ты одна-а-а...

На-на-на,

На-на-на...

Лика не так уж стремилась улетать в какой-то ласковый рай: ей и дома было неплохо. Но вот оказаться пусть на минутку рядышком с Феодосием, потрогать его рукав, глянуть в продолговатые бархатные глаза... Конечно, и это было невозможно. И тогда Лика решила: пусть Феодосий Капканов хотя бы узнает, что она есть на свете.

Лика нарисовала Феодосия на альбомном листе – в полный рост, в его желто-вишневой рубаше и узких блестящих штанах, с разлетевшимися волосами, со взмахом тонких пальцев над сверкающей голубой гитарой, с ярким, широко раскрытым на слове «одна-а-а» ртом... Чудо что за портрет получился! На областной выставке Лика точно заработала бы первое место. Но она этот рисунок не показала ни одной живой душе. Написала на обратной стороне сдержанные слова: «Феодосий Ренальдович! Вы – радость моего сердца. Спасибо. Анжелика Сазонова (или просто Лика)». Обложила его с двух сторон картонками, запечатала в большой конверт и отнесла заказную бандероль в почтовое отделение номер три на Красинской. Пакет приняли, хотя адрес был очень даже приблизительный: «Москва, Союз концертных деятелей, Феодосию Ренальдовичу Капканову». Правда, Лике показалось, что девица-приемщица, прочитав надпись на конверте, хмыкнула, но она, Лика, не стала унижаться до скандала. Молча взяла квитанцию и удалилась с ощущением исполненного долга любви.

Это было в марте. Ответа Лика, разумеется, не ждала. Но ответ пришел – в конце апреля.

Лучше бы он не приходил, такой ответ!

Когда Лика, обмирая, разорвала конверт, из него выскользнула бумажка, похожая на уведомление «Энергосбыта», с типографским текстом.

«Дорогая Анжелика!

Благодарю тебя за добрые слова в мой адрес. Желаю тебе успехов в учебе и личной жизни.

Феодосий Капканов»

«Анжелика» было коряво вписано шариковой ручкой. Подпись – тоже от руки, но явно размноженная заодно с текстом на ксероксе.

Лика со всем своим ярким воображением тут же увидела секретаршу, похожую на хмыкавшую почтовую девицу. Как эта девица, сжавши рот, лихорадочно вносит девчоночьи имена в тысячи одинаковых бумажек. А Феодосий стоит у нее за спиной и морщится: «Сколько опять понаписали!.. Давай-давай, торопись, пусть эти соплячки знают, что я не забыл ни одну...»

Успехов в личной жизни он желает, животное!

Прежде всего Лика мысленно (жаль, что нельзя по правде!) в клочья изодрала свой рисунок. Затем засунула в видак диск с Феодосием, чтобы убедиться, какой дурой была она, когда обмирала от этого сладкоголосого кривляки! И убедилась, что в самом деле дура (она) и кривляка (он)! Изгибается, колотит по гитаре неприличным местом, вертит своей тощей блестящей... задом и не поет, а блеет! Господи, где были ее глаза? И это при том, что на свете есть «Битлз», Хворостовский, Высоцкий, Визбор, Виктор Цой... Ну, пусть некоторых уже нет, но все равно же они – есть!..

Надо было избавляться от заблуждений и начинать жизнь заново. А для этого – изменить себя. Лика начала с внешности. Раньше она тщательно подбирала платица, колготки, воротнички, туфельки, сережки – по цвету, по фигурке (а фигурка – все это подмечали – была просто балетная). Потому что казалось: он будто стоит рядом и внимательно смотрит: хороша ли девочка сегодня? Теперь все это барахло полетело по дальним углам. Лика выволокла на свет летний джинсовый комбинезон с бахромой у колен, отыскала старые разлапистые мокасины, заменила серебряно-янтарные сережки простыми серыми камешками, подвязала волосы скрученной в жгут косынкой – банданой. И, оставив маму в обморочном состоянии, отправилась в школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/krapivin_vladislav/gvadelorka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)